

Издательский дом «Плутон»

Научный журнал «Юридический факт»

ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431

УДК 378.001

ХCV Международная научная конференция
«Свобода и право»

СБОРНИК СТАТЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ

01 апреля 2024

Кемерово

СБОРНИК СТАТЕЙ ДЕВЯНОСТО ПЯТОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СВОБОДА И ПРАВО»

01 апреля 2024 г.

ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431

ISBN 978-5-6040934-2-9

Кемерово УДК 378.001. Сборник докладов студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава. По результатам ХCV Международной научной конференции «Свобода и право», 01 апреля 2024 г. www.ur-fakt.ru / Редкол.:

Никитин Павел Игоревич - главный редактор, ответственный за выпуск журнала.

Александр Вячеславович Руднев - практикующий юрист, ответственный за первичную модерацию, редактирование и рецензирование статей.

Матвеева Яна Максимовна - кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Гревцов Юрий Иванович - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Калашникова Елена Борисовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и философии права Института права Самарского государственного экономического университета

Александрова Жанна Павловна - кандидат социологических наук, доцент кафедры рыночных и государственных институтов Кубанского государственного технологического университета

Мальцагов Иса Даудович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Кузин Валерий Николаевич - кандидат юридических наук, доцент РАНХиГС, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина

Казанчян Лилит Арменовна - кандидат юридических наук, докторант Института философии, социологии и права НАН РА. Преподаватель кафедры Юриспруденции Международного научно-образовательного центра НАН РА, член Палаты адвокатов Республики Армения

Дзугцева Диана Муссаевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО Северо-Кавказский горно-металлургический институт

Тастекеев Кайрат Кулбаевич - кандидат юридических наук, профессор КазГЮИУ (Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет)

Сейтхожин Булат Умержанович - кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории юридических исследований НИИ экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза.

Мусаева Асма Гаджиевна - кандидат исторических наук ФГБОУ ВО «ДГУНХ»

Шахбанова Юлия Алибековна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета.

Исмаилов Атахожа Айдарович - кандидат юридических наук, Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауезова, факультет Юриспруденции и международных отношений.

А.О. Сергеева (ответственный администратор)[и др.];

В сборнике представлены материалы докладов по результатам научной конференции.

Цель – привлечение студентов к научной деятельности, формирование навыков выполнения научно-исследовательских работ, развитие инициативы в учебе и будущей деятельности в условиях рыночной экономики.

Для студентов, молодых ученых и преподавателей вузов.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail:admin@idpluton.ru

Подписано в печать 01.04.2024 г. Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л.3.2. | Тираж 300.

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна.

Содержание

1. К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ.....4	
Самодуров В.О.	
2. ОТГРАНИЧЕНИЕ УГРОЗЫ УБИЙСТВОМ ОТ ОБНАРУЖЕНИЯ УМЫСЛА НА УБИЙСТВО...9	
Яковлев А.В., Романченко М.С.	
3. СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 159.1 УК РФ.....12	
Улезько С.И., Эдилов Шайх-Мансур Р.	
4. СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВА.....14	
Клочкова А.Л., Алкадарский Т.Ш.	
5. ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ.....17	
Улезько С.И., Эдилов Шайх-Мансур Р.	
6. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УНИЧТОЖЕНИЕ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЕ ИМУЩЕСТВА.....19	
Алкадарский Т.Ш.	
7. ЗНАЧЕНИЕ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....23	
Яковлев А.В., Лянова А.А.	
8. ПРИЗНАК РЕАЛЬНОСТИ УГРОЗЫ НАСИЛИЯ.....25	
Романченко М.С.	
9. СТАНОВЛЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ.....27	
Клочкова А.Л., Бачиев Г.З.	
10. АНАЛИЗ СУБЪЕКТА СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ.234 УК РФ..30	
Яковлев А.В., Аббасов Е.Д.	
11. ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЯМ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ.....32	
Бачиев Г.З.	
12. СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ МЕРЫ БОРЬБЫ.....35	
Улезько С.И., Чуклинова Ю.Н.	
13. СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ.....37	
Аксенов А.С.	
14. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТОРГОВЛЮ ЛЮДЬМИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАБСКОГО ТРУДА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.....40	
Клочкова А.Л., Аксенов А.С.	
15. ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ.234 УК РФ.....41	
Аббасов Е.Д.	
16. ПРИЧИНЫ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ.....46	
Чуклинова Ю.Н.	
17. КРАЖА В СОБОРНОМ УЛОЖЕНИИ 1649 Г.....50	
Улезько С.И., Грачев С.А.	
18. ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КРАЖУ.....52	
Улезько С.И., Грачев С.А.	
19. ПРИЗНАКИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....54	
Лянова А.А.	
20. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА В РОССИИ56	
Улезько С.И., Хамхоева А.И.	
21. ПЕРЕДАЧА ИМУЩЕСТВА ВО ВЛАДЕНИЕ ИНЫМ ЛИЦАМ, ЕГО ОТЧУЖДЕНИЕ И УНИЧТОЖЕНИЕ В КРИМИНАЛЬНЫХ БАНКРОТСТВАХ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ.....59	
Улезько С.И., Хамхоева А.И.	

22. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ НА ОБЪЕКТЫ,
СОЗДАНИЕ НЕЙРОСЕТЯМИ.....61
Злобин И.Ю., Козвонин Д.В.
23. УЧАСТИЕ АДВОКАТА В СОБИРАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ.....65
Бузурганова М.А., Бурмистров И.А.

Самодуров Владислав Олегович**Samodurov Vladislav Olegovich**

аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

УДК 347

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ**ON THE ISSUE OF DETERMINING THE ESSENCE OF INTANGIBLE RIGHTS**

Аннотация. Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью всестороннего изучения нематериальных благ в связи с ростом значимости исследуемой темы в современном мире. Несмотря на то, что нематериальные блага не обладают физической формой, они становятся катализатором социально-экономического прогресса. Тем не менее, существует недостаток единого понимания такого юридического феномена, как «нематериальные блага», как в доктринах, так и в законодательстве. В данной статье автор подробно рассматривает развитие концепции «блага» в философии, которое является центральным для понимания дефиниции «нематериальные блага». Особое внимание уделено исследованию разнообразных точек зрения ученых-правоведов относительно определения и признаков нематериальных благ, а также анализу законодательного определения данной концепции. Методологической основой исследования выступает всеобщий диалектический, логический, историко-правовой, формально-юридический методы исследования. Основные выводы проведенного исследования заключаются в том, что изучение вопроса понятия и сущности нематериальных благ представляет собой критическую важность как для теоретического осмысления, так и законодательного регулирования. Полагается, что дальнейшая теоретическая проработка этого вопроса способствует формированию универсального подхода к обсуждаемому понятию. Это важно для упорядочивания данной сферы и создания четкого понимания данного термина как в научной среде, так и в рамках законодательства.

Abstract. The relevance of this work is due to the need for a comprehensive study of intangible benefits in connection with the growing importance of the topic under study in the modern world. Despite the fact that intangible benefits do not have a physical form, they become a catalyst for socio-economic progress. However, there is a lack of a unified understanding of such a legal phenomenon as “intangible benefits”, both in doctrines and in legislation. In this article, the author examines in detail the development of the concept of “good” in philosophy, which is central to understanding the definition of “intangible goods”. Particular attention is paid to the study of the various points of view of legal scholars regarding the definition and characteristics of intangible benefits, as well as to the analysis of the legislative definition of this concept. The methodological basis of the research is the universal dialectical, logical, historical-legal, formal-legal methods of research. The main conclusions of the study are that studying the issue of the concept and essence of intangible benefits is of critical importance both for theoretical understanding and legislative regulation. It is believed that further theoretical elaboration of this issue will contribute to the formation of a universal approach to the concept under discussion. This is important for streamlining this area and creating a clear understanding of this term both in the scientific community and within the framework of legislation.

Ключевые слова: благо, нематериальное благо, личное благо, нематериальность, непередаваемость, принадлежность, неотчуждаемость, положительная ценность, связь с личностью, законодательство.

Keywords: good, intangible good, personal good, intangibility, non-transferability, belonging, inalienability, positive value, connection with a person, legislation.

В настоящее время проблема обеспечения прав человека является наиболее острой проблемой, исследуемой различными науками. Права человека сегодня выступают мерилем зрелости государства и нравственного прогресса общества [11].

В теории гражданского права вопрос о понятии «нематериальных благ» является достаточно дискуссионным. Так, исследование нематериальных благ через призму концепции «личные блага» посвящены труды М.М. Агаркова, Н.Д. Егорова, И.А. Покровского и др. Анализ понятийного аппарата «нематериальные блага» посредством его определения через критерии, включающие отсутствие материальности, прямую связь с личностью и неотчуждаемость, проведен в работах таких ученых-правоведов, как В.В. Долинская, И.В. Овода, Ё. А. Палванова и др.

В наиболее простом понимании понятие «нематериальных благ» подразумевает объекты нематериальных прав граждан Российской Федерации, которые принадлежат им с момента рождения, а также не подлежат их отчуждению или передаче каким-либо образом. Нематериальные блага не только отражают индивидуальность каждого человека, но и обеспечивают условия для его автономного благополучия, здоровья, как физического, так и ментального, а также для неприкосновенности его личной жизни. Важно отметить, что понятие «нематериальное благо», являясь сущностью каждой правовой системы, имеет огромное значение не только для его обладателя, но и для общественности в целом. В целях наиболее полного понимания исследуемой категории требуется обратиться как к доктрине, так и к действующему законодательству.

Прежде всего следует понять, что именно подразумевается под словом «благо». Аристотель утверждал, что «благо» — это цель, к которой стремится человек. Платон же рассматривал «благо» как «высшее начало», другими словами, основу всего существующего [5, с. 54].

В эпоху распространения христианства «благо» воспринимали как «божественный дар». В эпоху Нового времени «благо» характеризовали как «свободу», «познание истины» и «неосуществимую идею».

Современное понимание «блага» — это универсальное понятие для обозначения положительной ценности (противоположность «блага» — это отрицательная ценность, или «зло»). Именно поэтому со второй половины XIX века категория «благо» становится неким эквивалентом понятия «ценность», поскольку под последним понимают исключительно положительную значимость какого-либо предмета или явления [9]. Как отмечает В.С. Соловьев, «благо» всегда сопровождается ощущением «получения удовольствия» [10, с. 135-136]. В контексте «ценностей», положительная значимость связана с их присутствием, тогда как отрицательная значимость ассоциируется с отсутствием ценностей, или «антиценностью». Важно не путать эти две категории, проводя четкую границу между ними, избегая неправомерного их смешения.

Таким образом, автор утверждает, что определение понятия «благо» не является абсолютным синонимом категории «ценность», поскольку первое представляет собой фундаментальную «сверхценность», которая в «сжатом виде» включает все ценности, о которых мы знаем (и, возможно, не знаем). Понятие «благо», скорее, представляет собой социальное определение явления, приносящего человеку какую-либо пользу.

Несмотря на то, что понятие «нематериальные блага» занимает достаточно устойчивое место в цивилистической терминологии, проблема понимания его юридической природы, как отмечалось ранее, по-прежнему вызывает острые дискуссии в сфере современного гражданского права.

Отмечается, что концепция «нематериальных благ» была перенята юристами-исследователями из философии, которые, однако, не исследовали ее в деталях. Во времена предреволюционной России данный термин не был активно использован. Вместо этого, ученые придавали большее внимание концепции «личных благ».

М.М. Агарков, ученый, который один из первых начал использовать концепт «личные блага» в советской юридической терминологии, определял его через идею благ, являющихся неотъемлемой частью человеческой личности [1, с.38]. Н.Д. Егоров, другой исследователь в этой области, видел в личных благах элементы, служащие для индивидуализации личности, отражая и оценивая ее моральные, политические и другие социальные качества [12, с.76]. И.А. Покровский считал, что честь, достоинство и другие личные блага, которые подлежат гражданско-правовой защите, могут быть отнесены к нематериальным благам [8]. Однако, следует отметить, что приведенные определения содержат в себе существенную методологическую неточность: не все нематериальные блага являются объектами личных неимущественных прав.

Ю.С. Гамбаров, один из первых авторов концепции «нематериальные блага» определял это понятие как результаты интеллектуальной деятельности, такие как научные исследования, произведения искусства и промышленные товары [2, с.176]. Эти продукты духовной деятельности, по его мнению, обретают автономию и имущественную ценность, что делает их объектами права,

подлежащими юридической защите. В категорию «нематериальных благ» Ю.С. Гамбаров не включал «личные блага», которые, по его мнению, являются основой для самосуществования индивидуума. Сюда он определил такие аспекты, как жизнь, честь и свободу. Справедливо отметить, что абсолютность данного определения является сомнительной, ввиду выбора в качестве родового признака «объект гражданского права». В то же время не все нематериальные блага являются объектами гражданских правоотношений.

Весьма удачным видится определение, предложенное В.В. Долинской, которая предлагает другой способ восприятия нематериальных благ. Она видит их как блага, которые не имеют экономической ценности и тесно связаны с правовым субъектом. Долинская также предложила ряд критериев для определения нематериальных благ, которые поддерживаются большинством исследователей в этой области. Эти критерии включают отсутствие материальности, прямую связь с личностью и неотчуждаемость, прямо вытекающую из этой связи [3]. Таким образом, неэкономический характер нематериальных благ позволят отграничивать эти блага от материальных, которые в свою очередь имеют экономическую форму товара.

Важно также отметить точку зрения И.В. Овода, который утверждает, что нематериальные блага закрепляют основы правового статуса личности в обществе [6]. Отмечается, что именно поэтому традиционно личные гражданские права защищаются гражданским законодательством. Разделяя позицию Ё.А. Палвановой [7], можем определить особенность нематериальных благ, которая выражается в том, что они составляют блага, перечень которых у всех лиц одинаков; тогда как материальные блага у всех различны. Такие блага предоставляются либо на основании закона, либо приобретаются в ходе жизни.

Представленные выше точки зрения современных ученых дают нам основания говорить о том, что несмотря на различные подходы в отношении определения понятия и сущности нематериальных благ, представляется возможным определить признаки нематериальных благ, которые характеризуются их неэкономическим характером, невещественностью, неотделимостью от личности, прочной связью с индивидуумом и невозможностью его отделения от них.

Основным законодательным актом является Конституция РФ, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 году с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 года. Так, Конституция РФ утверждает основополагающий принцип: превосходство и защита прав и свобод каждого индивидуума, что становится главной ответственностью государства (в соответствии со ст. 2 Конституции РФ). Ст. 7 Конституции РФ укладывает в основу государственной политики создание условий, способствующих достойной жизни и свободному развитию каждого гражданина. Таким образом, это не является исключительно личной ответственностью человека или его родителей, а становится важным аспектом общественного управления.

Важные законодательные инструменты были приняты на основе и для дополнения Конституции Российской Федерации с целью обеспечения и защиты гражданских прав в разнообразных областях общественной жизни. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 года N 51-ФЗ рассматривается как наиболее значимый, так как в нем впервые в истории страны упоминаются нематериальные блага как возможные объекты гражданских прав.

Согласно ст. 128 ГК РФ нематериальные блага определяются как свободы и блага, которые не могут быть отделены от их владельца и не обладают экономической ценностью. Ст. 128 Гражданского кодекса РФ указывает на то, что объектами гражданских прав являются вещи и иное имущество, в том числе имущественные права, результаты работ и оказания услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, а также нематериальные блага.

Анализ ст. 150 ГК РФ демонстрирует примерный (но не исчерпывающий) список нематериальных благ, которые могут быть приобретены физическими или юридическими лицами в результате рождения (создания) или законодательных мер. Ч.1 ст. 150 ГК РФ определяет их главные признаки: принадлежность человеку с момента рождения, невозможность отчуждения и передачи другим лицам. В качестве примеров нематериальных благ ГК РФ приводит: жизнь, здоровье, личное достоинство, неприкосновенность личности, честь и доброе имя, деловую репутацию, неприкосновенность личной жизни и жилища, личную и семейную тайну, свободу передвижения, свободу выбора места пребывания и проживания, имя и авторство гражданина. Важно отметить, что перечень не является исчерпывающим, что позволяет защищать в суде и «иные нематериальные

блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом» (ч.1 ст. 150 ГК РФ). Таким образом, налицо объективная сложность в отношении определения общего понятия нематериальных благ.

Одним из интересных фактов является то, что некоторые нематериальные блага могут продолжать существовать даже после смерти их владельца и могут быть защищены третьими лицами, имеющими интерес к их сохранению [4]. Например, возможность наследников восстановить честь и доброе имя умершего предка. Это означает, что даже после смерти человека его репутация может быть восстановлена и защищена. Кроме того, важно отметить, что нематериальные блага также защищаются государством. Например, права умершего автора могут быть защищены Российской Федерацией и ее уполномоченными органами. Это означает, что в случае нарушения авторских прав умершего автора, любое заинтересованное лицо может обратиться за помощью к государству. Таким образом, нематериальные блага имеют способность продолжать существовать и быть защищенными даже после смерти их носителя.

Исходя из вышеуказанного можно сделать вывод о том, что законодательство принимает более простой путь определения сущности нематериальных благ ввиду отсутствия регламентации их четкого определения. Вместо этого предоставлен список объектов, которые могут считаться нематериальными благами, и несколько основных признаков, по которым можно выявить иные нематериальные блага, не упомянутые в Гражданском кодексе РФ. Однако, анализ Судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №4 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017) позволяет сделать вывод о том, что судьи редко выходят за рамки этого списка, указанного в ст. 150 ГК РФ. Вместе с тем следует отметить, что не имеет смысла утверждать о необходимости конкретного определения, так как это может сузить область защиты из-за ограниченности способности охватить все возможные формы нематериальных благ в рамках одного понятия.

Таким образом, изучение понятия и признаков нематериальных благ имеет критическое значение как для теоретического осознания, так и для законодательного регулирования.

Согласно результатам проведенного анализа, нематериальные блага являются объектами личных неимущественных прав российских граждан, принадлежат им от рождения, в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом.

Считается, что дальнейшее теоретическое исследование этого вопроса способствует разработке универсального подхода к данному понятию. Однако, по мнению автора, не имеет смысла утверждать о необходимости конкретного определения, так как это может сузить область защиты из-за ограниченности способности охватить все возможные формы нематериальных благ в рамках одного понятия.

Библиографический список:

1. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 192 с.
2. Джамалудинов, Р. А. Понятие и признаки нематериальных благ и личных неимущественных прав / Р. А. Джамалудинов // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2016. – № 5. – С. 176-178. – EDN WXFVGH.
3. Долинская, В. В. Нематериальные блага как объекты неимущественных прав / В. В. Долинская // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика : Материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, Рязань, 27 апреля 2017 года / Под общей редакцией Д.А. Пашенцева. – Рязань: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Концепция», 2017. – С. 424-427. – EDN ZJEGFP.
4. Курбанов, Д. А. Некоторые свойства нематериальных благ как объектов гражданских правоотношений / Д. А. Курбанов // Право, экономика и управление: состояние, проблемы и перспективы: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 11 февраля 2022 года. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2022. – С. 176-179. – EDN CNXVBQ.
5. Курс экономической теории: учебник / под ред. М.Н. Чепурина, Е.А. Киселевой. Киров: АСА, 2007. – 832 с.;

6. Овод, И. В. Нематериальные блага / И. В. Овод, А. С. Садырова // *Colloquium-Journal*. – 2021. – № 35-3(122). – С. 35-37. – DOI 10.24412/2520-6990-2021-35122-35-37. – EDN KTSRPT.
7. Палванов, Е. А. Гражданское законодательство защищает или регулирует нематериальные блага / Е. А. Палванов // *Вестник научной мысли*. – 2021. – № 6. – С. 703-706. – DOI 10.34983/DTPB.2022.79.98.001. – EDN KNCRMU.
8. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 2020. – 219 с.
9. Романов, П. А. Благо как фундаментальная ценность / П. А. Романов // *Духовная сфера общества: Сборник статей по итогам НИР кафедры философии и социологии за 2019 год / Министерство науки и высшего образования РФ; Марийский государственный университет*. – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2020. – С. 62-66. – EDN FXIKHY.
10. Соловьев В.С. Духовные основы жизни. Избранные произведения. Ростов н/Д Феникс, 1998. – 143 с.
11. Суюнов, А. М. Нематериальные блага как объекты гражданских прав / А. М. Суюнов, А. А. Кадцына // *VIII Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С.И. Злобина: Сборник материалов. В 2-х томах, Пермь, 05–07 октября 2022 года / Сост. А.И. Согрина*. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 243-245. – EDN CYVFTU.
12. Филиппов, П. А. Защита нематериальных благ в гражданском законодательстве РФ / П. А. Филиппов // *Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты: материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 08 декабря 2015 года / Ответственный редактор Е. В. Трофимов*. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015. – С. 151-155. – EDN VPCWBE.

Яковлев Александр Владиславович
Yakovlev Alexander Vladislavovich

доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Романченко Маргарита Сергеевна
Romanchenko Margarita Sergeevna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ОТГРАНИЧЕНИЕ УГРОЗЫ УБИЙСТВОМ ОТ ОБНАРУЖЕНИЯ УМЫСЛА НА УБИЙСТВО

DELINEATING THE THREAT OF MURDER FROM THE DETECTION OF INTENT TO MURDER

Аннотация: статья рассматривает различные точки зрения, касающиеся отграничение угрозы убийством от обнаружения умысла на убийство, предлагает критерии такого отграничения.

Annotation: the article examines various points of view concerning the delineation of the threat of murder from the detection of intent to murder, offers criteria for such delineation.

Ключевые слова: преступление, угроза, умысел, убийство, пресечение.

Keywords: crime, threat, intent, murder, suppression.

В уголовно-правовой теории России относительно юридической природы угрозы, как особого преступного деяния существуют две точки зрения. Одни авторы (Ю.М. Антонян [1,9] и др.) относят угрозу к обнаружению умысла. По их мнению, наказуемость угрозы в соответствующих статьях Особенной части УК является исключением из общих теоретических положений. Они считают, что в данном случае уголовная ответственность наступает не за общественно опасное действие, а лишь за само намерение совершить подобное действие.

Н.Г. Иванова, например, противоречиво толкует сущность угрозы как преступления. Она пишет, что "в некоторых случаях общественную опасность представляет само обнаружение умысла, например, намерение убить, причинить тяжкие телесные повреждения, уничтожить имущество, разгласить сведения интимного характера и т.д. Законодатель счел необходимым для этих случаев установить уголовную ответственность за сам факт высказывания угрозы, считая его самостоятельным оконченным преступлением, а не обнаружением умысла" [2, С.150].

Из высказывания непонятно - наказание при угрозе наступает за обнаружение умысла или нет. Если нет, то в чем тогда ее общественная опасность?

Н.В. Лясс также считает, что когда обнаружение умысла представляет общественную опасность само по себе, а не в качестве преступной деятельности, оно карается как самостоятельное преступление, например, при угрозе, которая является частным случаем обнаружения умысла. [3, С.111]

Отстаивая выше приведенные позиции С.Х. Мазуков полагает, что "угроза общественно опасна потому, что она, во-первых, является формой обнаружения умысла и может выражать истинные намерения угрожающего, и, во-вторых, она вследствие этого (и только лишь вследствие этого) обладает способностью причинения психических травм"[4,С.28]. Рассматривая в качестве объекта угрозы убийством жизнь человека, автор исходит из того, что признание наказуемыми приготовление к убийству и покушение на убийство не всегда дает возможность пресечения такой преступной деятельности, как убийство на его ранней стадии. И, именно норма об угрозе убийством, как обнаружение умысла совершить убийство, по его мнению, призвана для эффективной защиты от таких посягательств.

По нашему мнению, подобные рассуждения являются попыткой признать в виде исключения наказуемыми мысли человека, если они становятся известны, ради профилактических целей. Но подобный соблазн существует не только в связи с убийством, но и в отношении обнаружения умысла

совершить иные тяжкие преступления [5, С. 217]. Поэтому признание подобной теории могло бы привести к существенному нарушению принципа уголовного права, заключающегося в том, что преступлением может быть признано только общественно опасное деяние, направленное на реализацию умысла.

Угроза убийством является самостоятельным видом общественно опасного поведения, так как она, подобно всем другим преступлениям, причиняет вред общественным отношениям, имеет свой объект, объективную и субъективную стороны.

Мы считаем, что отнесение угрозы некоторыми учеными к обнаружению умысла противоречит общетеоретическим положениям учения о преступлении, как бы они ни старались завуалировать это свое мнение.

В юридической литературе под обнаружением умысла понимается выражение вовне тем или иным способом намерения совершить известное преступление¹⁴⁴. Обнаружение умысла в таком понимании есть не что иное, как обнародование, оглашение, извещение намерения совершить преступление. При обнаружении умысла не исключаются и телодвижения, жесты, показывающие, каким образом лицо намерено совершить преступление. Этим оно и сближается с угрозой убийством, которая также может совершаться словесно, жестами, поведением. Другое сходство заключается в том, что оглашение преступного намерения окружающими зачастую воспринимается так же, как и угроза. Поэтому, четкое разграничение признаков обнаружения умысла и угрозы убийством имеет не только теоретическую, но и большую практическую ценность.

В обнаружении умысла на совершение преступления он видит не чисто психический процесс, а деятельность субъекта, но деятельность ненаказуемую, не представляющую общественную опасность с позиций уголовного закона. А поскольку это деятельность, то она требует четкого отграничения прежде всего от самой угрозы, так как между этими действиями весьма прозрачная граница.

К внешним признакам преступления, как известно, относятся объект преступления, то есть то, на что направлена преступная деятельность и само деяние, способное оказать этому объекту вредное воздействие. Повторяясь о важности правильного определения объекта для разграничения одних преступлений от других, необходимо отметить и его значимость для выяснения вопроса, является ли деяние преступным. Если объектом угрозы убийством признать жизнь, мы должны прийти к выводу, что, в данном случае законодатель предусматривает уголовную ответственность за обнаружение умысла. Но передача информации устно или письменно сама по себе еще не способна причинить не только смерть, но и какой-то иной вред человеку. В этом случае виновный только оглашает свое намерение совершить преступление и такая деятельность лишена свойств посягательства и на жизнь, и на психику человека за отсутствием такового умысла со стороны информатора.

По уголовному законодательству преступные мысли, настроения, даже замысел совершить преступление, хотя бы высказанные в той или иной форме и ставшие известными посторонним, сами по себе не влекут уголовной ответственности.

Если же признать объектом угрозы убийством психическое спокойствие, свободу поведения личности, то следует прийти к выводу, что законодатель устанавливает ответственность за такое деяние как за самостоятельное преступление. Кроме того, важным моментом при разграничении обнаружения умысла и угрозы убийством, на наш взгляд, является установление направленности умысла. Если умысел направлен на то, чтобы только информировать кого-либо о своем желании, намерении совершить убийство, чаще всего друзей, знакомых, а не предполагаемого потерпевшего, то в данном случае мы не видим оснований выходить за пределы обнаружения умысла. Целью такого поведения также может быть хвастовство, совет, проявление эмоций. А в том случае, если информация адресована непосредственно потерпевшему в форме угрозы с целью вызвать у него страх, если она способна вызвать у последнего страх, переживания и фактически достигает этой цели, то это уже нужно оценивать как самостоятельное преступление, соответствующее составу ст. 119 УК РФ.

Следующий отграничивающий признак угрозы от обнаружения умысла заключается в том, что последний на момент его проявления не причиняет вреда объекту. Потерпевший либо не проинформирован об этом, либо выраженная информация не вполне определена и направлена в неопределенное будущее, либо не обладает признаками реальности, то есть, не облечена в форму угрозы. Поэтому в психике адресата не происходят отрицательные процессы на уровне страха, которые вызывает угроза. Обнаружение умысла способно вызвать у адресата соответствующие

опасения и способствуют принятию своевременных мер от возможной угрозы или действий, направленных непосредственно на реализацию умысла, минуя угрозу. Таким образом, обнаружение умысла на совершение преступных действий в отношении лица может играть и положительную, предупредительную роль.

Библиографический список:

1. Антонян Ю.М. Преступность и психические аномалии. - М.: БЕК, 1999. -232с.
2. Иванова Н.Г. Аномальный субъект преступления. - М.: Статут, 2011. -198с.
3. Лясс Н.В. Субъективная сторона преступлений на автотранспорте// Правоведение. 1972. № 3. -С.105-112.
4. Мазуков С.Х. Общественная опасность угрозы //Уголовное право. 2011. № 9. - С. 24-29.
5. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник. 2-е издание, исправленное и дополненное / Под ред. В.П. Ревина. - М.: Юстицинфор, 2017. -510с.

Улезько Сергей Иванович
Ulezko Sergey Ivanovich

Заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Эдилов Шайх-Мансур Ризванович
Edilov Shaikh-Mansur Rizvanovich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343

СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 159.1 УК РФ

THE SUBJECT OF THE CRIME UNDER ART. 159.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: Данная статья анализирует особенности субъекта преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ.

Abstract: This article analyzes the features of the subject of the crime under Art. 159.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: субъект, кредит, заемщик, мошенничество.

Key words: subject, loan, borrower, fraud.

С развитием кредитных правоотношений широкое распространение получила преступная деятельность в данной сфере, в том числе в форме мошенничества. Подготовка к совершению данного преступления у виновных лиц зачастую занимает совсем немного времени, поскольку достаточно просто путём обмана или злоупотребления доверием завладеть с корыстной целью денежными средствами кредитора, создав образ добросовестного заёмщика. Несмотря на то, что банки и иные кредитные организации, оказывающие в соответствии с п. 2 гл. 42 Гражданского кодекса РФ услуги по предоставлению денежных средств по договору кредитования, предъявляют ряд требований к заёмщику и проводят проверки личных данных клиента и его имущественного положения, кредиторам всё равно причиняется значительный ущерб в результате совершения мошенничества. И если ранее за совершение данного преступления ответственность наступала по ст. 159 Уголовного кодекса РФ, то в настоящее время наказание за такое деяние устанавливается в соответствии со ст. 159.1 Уголовного кодекса РФ.

В ч. 1 ст. 159.1 УК РФ обозначен вид мошенничества, который единственный содержит прямое указание на субъект преступления (в своей диспозиции и именуется им "заемщик"). Термин "заемщик" является гражданско-правовым и используется он в качестве определения одной из сторон в правоотношении, возникающем в связи с заключением договора займа (ст. 807 ГК РФ), кроме этого, заемщик является стороной кредитного договора (ст. 819 ГК РФ). Заемщиком является то лицо, которое заключило от своего имени с банком или кредитной организацией кредитный договор.

Между тем лицо, в силу указанного в гражданско-правовых нормах, не может выступать в роли заемщика, если использует поддельные или чужие документы, соответственно, оно и не может быть субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.1 УК РФ, оно будет являться субъектом преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ [1, С. 51]. Согласно диспозиции ст. 159.1 УК РФ субъект преступления – только заемщик, т.е. лицо, которое выступает стороной в кредитных отношениях.

Соответственно, в том случае, если факт мошеннических действий становится известным правоохранительным органам до получения лицом статуса заемщика (например, на момент рассмотрения представленного пакета документов), то содеянное необходимо квалифицировать по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 159.1 УК РФ. От определения фигуры заемщика при совершении мошенничества в сфере кредитования зависит решение вопроса о возможности квалификации пост. 159.1 УК РФ.

Субъектом мошенничества в сфере кредитования является физическое вменяемое лицо,

достигшее 16 лет, выступающее в качестве заемщика [2, С. 138]. Необходимо исключить из ст. 159.1 УК РФ указание на такую фигуру как «заемщик», ссылаясь на то, что органы предварительного расследования в возбуждении уголовного дела отказывают, вследствие того, что гражданин, который обратился в банк с просьбой выдать ему кредит, представивший требуемые документы, но не заключивший договор с банком, не является стороной по договору и, следовательно, заемщиком [3, С. 28].

Однако с данной позицией трудно согласится. Так, например, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 3 ФЗ РФ «О потребительском кредите (займе)» от 21 декабря 2013г. №353-ФЗ, заемщик – физическое лицо, обратившееся к кредитору с намерением получить, получающее или получившее потребительский кредит (заем). Таким образом, лицо которое обратилось к кредитору с просьбой получить кредит, уже имеет статус заемщика, что соответствует действующему законодательству и сложившейся судебной практике.

Библиографический список:

1. Савченко М.М. Уголовно-правовая характеристика мошенничества в сфере кредитования // Безопасность бизнеса. 2022. N 5. – С. 50-53. СПС КонсультантПлюс.
2. Уголовное право. Особенная часть. Практикум: учебное пособие для вузов Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 422 с.\ Под ред. И.А. Подройкиной, С.И. Улезько.
3. Ривкин К.Е. Уголовная ответственность за хищения кредитных средств //Гражданин и право. 2013. №4. - С. 28.

Клочкова Александра Леонидовна
Klochkova Alexandra Leonidovna

доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Алкадарский Тельман Шамсудинович
Alkadarsky Telman Shamsudinovich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343

СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВА

THE SUBJECT OF THE CRIME OF DESTRUCTION OR DAMAGE TO PROPERTY

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются признаки субъекта преступления, предусмотренного ст.ст. 167, 168 УК РФ.

Abstract: This article examines the signs of the subject of the crime provided for in Articles 167.168 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: собственность, вменяемость, возраст, состав преступления.

Key words: property, sanity, age, corpus delicti.

К обязательным признакам, характеризующим состав любого преступления относится также и субъект преступного посягательства. В Уголовном кодексе определены общие признаки субъекта преступления. Так, статья 19 УК РФ устанавливает, что уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного законом.

Таким образом, признаками субъекта преступления являются: достижение установленного Уголовным кодексом возраста уголовной ответственности и вменяемость. Деяние не считается преступным в случае, если оно совершено лицом, которое не отвечает названным признакам.

Субъектом умышленного уничтожения или повреждения имущества может быть вменяемое физическое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет. Такие же признаки характерны и для субъекта неосторожного уничтожения или повреждения чужого имущества. Однако, данное преступление, совершенное при квалифицирующих обстоятельствах, предусмотренных ч. 2 ст. 167 УК РФ, влечет уголовную ответственность с четырнадцати лет.

При рассмотрении такого признака как вменяемость, необходимо определить значение данного термина. Законодатель не дает легального определения вменяемости, однако закрепляет определение такой категории как невменяемость. В соответствии со ст. 21 УК РФ, невменяемость - это неспособность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики.

Соответственно, исходя от обратного, можно дать такое определение вменяемости: это способность лица, совершающего преступление, осознавать фактический характер своего поведения, его общественную опасность, а также способность руководить своими действиями. Можно также сказать, что по содержанию вменяемость значит, что лицо способно адекватно воспринимать признаки какого-либо конкретного деяния, которое имеет общественную опасность и уголовную характеристику, и при этом, способно руководить своим поведением во время совершения этого деяния. Соответственно, сама категория вменяемости существует только применительно к определенному, конкретному преступлению, к законопослушным же гражданам данная категория не применяется.

Как отмечает, И.Г. Шевченко, в практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 167 и 168 УК РФ, редко ставится вопрос о вменяемости лиц, совершивших данные деяния [1, С. 141].

Однако можно говорить о невменяемости применительно к лицам, неоднократно совершавшим рассматриваемое преступление путем поджога, и страдающих психическим

расстройством - «пироманией». Для таких лиц характерна неспособность руководить своими действиями. Пиромания - это патологическое влечение к поджогам и пожарам [2, С. 278]. Человек, страдающий данным расстройством психики, совершает поджоги ради удовольствия, удовлетворения, в силу своего болезненного влечения, которое он не может преодолеть усилием воли. При этом, в отличие от умышленного поджога, совершаемого психически здоровым лицом, при «пиромании», поджоги совершаются без каких-либо очевидных мотивов, целей, побуждений. Больного в данном случае интересует лишь сам процесс горения, он увлечен наблюдением за огнем, в психиатрической литературе отмечается, что при этом, акты поджогов часто стимулируют или заменяют половое влечение.

В связи с этим, важное значение по делам о поджогах имеет проведение судебно-психиатрической экспертизы в отношении лица, совершившего поджог. Уголовно-процессуальный закон предписывает назначение обязательной судебной экспертизы, в частности, в случае возникновения сомнений по поводу вменяемости подозреваемого, обвиняемого. Соответственно, в таких случаях проведение психиатрической экспертизы будет обязательным.

Однако, установленное экспертизой психическое отклонение, не обязательно означает невменяемость лица. Даже психически нездоровое лицо может вполне осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий. При этом, уничтожение или повреждение имущества может совершаться также и лицами имеющими иные расстройства психики (шизофрению, эпилепсию, алкогольные психозы и др.).

Законодатель понижает возраст уголовной ответственности за умышленное уничтожение или повреждение имущества по ч.2 ст. 167 УК РФ. При этом за основу берутся особенности развития несовершеннолетних (психологического, социального), а также способность их понимать общественную опасность своих действия и нести за них ответственность.

Однако, некоторые исследователи высказывают мнение о том, что необоснованно в данном случае повышение возраста уголовной ответственности за обычное умышленное уничтожение или повреждение имущества, предусмотренное ч. 1 ст. 167 УК РФ. Сторонники данной точки зрения говорят о том, что если несовершеннолетние, в возрасте четырнадцати лет способны осознавать общественную опасность своих деяний при совершении таких преступлений, как вандализм (ст. 214 УК РФ), которые совершаются в форме порчи имущества, то они вполне могут быть субъектами и умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества. И не только квалифицированного состава данного преступления, но и во всех иных случаях умышленного его совершения [3, С. 39].

Однако нельзя забывать о том, что понижать возраст уголовной ответственности стоит только в исключительных случаях. При этом следует учитывать также и общественную опасность, и распространенность совершения таких деяний несовершеннолетними в возрасте от четырнадцати лет. Умышленное уничтожение или повреждение имущества, не осложненное квалифицированными признаками, граничит с правонарушением, предусмотренным административным законодательством.

Данный факт уже можно рассматривать как аргумент против понижения ответственности до четырнадцати лет. Также стоит отметить, что рассматриваемое преступление нельзя отнести к распространенным деянием, совершаемым четырнадцатилетними. Это обстоятельство отмечается также и различными исследователями, которые проводили статистику возраста лиц, совершающих уничтожение или повреждение имущества.

В связи с этим, представляется, что нет необходимости в установлении пониженного возраста уголовной ответственности за рассматриваемое преступление.

Кроме общих признаков, характеризующих субъект уничтожения или повреждения имущества, можно также отметить, что субъектом данного преступления может быть только несобственник имущества, являющегося предметом посягательства. Как уже отмечалось в данной работе, уничтожение или повреждение своего имущества не образует состава преступления, предусмотренного ст. 167 или 168 УК РФ.

Каких-либо иных признаков, которые присущи субъекту уничтожения или повреждения имущества законом не установлено.

Библиографический список:

1. Шевченко И.Г. Уничтожение и повреждение имущества в уголовном праве России: эволюция норм: Дисс. ... канд. юрид. наук. - Самара, 2007. - С. 141.

2. Матвеев В.Ф. Учебное пособие по психиатрии. - М., 1975. - С. 278.
3. Маркунцов С.А. Осознание уголовно-правовых запретов в структуре уголовной ответственности несовершеннолетних: Дисс. ... канд. юрид. наук. - - М., 2007. - С. 39.
4. Мирончик А.С. Преступные уничтожение или повреждение чужого имущества: обоснованность криминализации, оптимизация законодательного описания, квалификация: Дисс. ... канд. юрид. наук. - Красноярск, 2009. - С. 94; Никитина Е.В. Особенности первоначального этапа расследования умышленного уничтожения или повреждения имущества. - М., 2006. - С. 11.

Улезько Сергей Иванович
Ulezko Sergey Ivanovich

Заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Эдилов Шайх-Мансур Ризванович
Edilov Shaikh-Mansur Rizvanovich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

FEATURES OF THE OBJECTIVE SIDE OF LENDING FRAUD

Аннотация: Данная статья анализирует особенности способа совершения преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ.

Abstract: This article analyzes the features of the method of committing a crime under Art. 159.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: способ, обман, мошенничество, объективная сторона.

Key words: method, deception, fraud, objective side.

Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ глава 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) дополнена ст. 159.1, предусматривающей ответственность за специальный вид мошенничества – мошенничество в сфере кредитования. В отличие от общей нормы, предусматривающей ответственность за мошенничество (ст. 159 УК РФ), применительно к ст. 159.1 УК РФ законодатель существенно сузил сферу совершения мошеннических действий, при этом сделав акцент на особенности предмета, способа совершения мошенничества, а также признаков, характеризующих субъект преступления. Объектом уголовно-правовой охраны, объединяющим кредитно-банковские преступления, являются общественные отношения в сфере кредитования, а именно отношения, возникающие в процессе предоставления, использования и возврата кредитных ресурсов [1, С. 130]. В нашей статье мы проанализируем способ совершения данного преступления.

Объективная сторона – совершение хищения лицом являющимся заемщиком по кредитному договору путем предоставления кредитной организации заведомо ложных и (или) недостоверных сведений.

Способ совершения преступления этого преступления – обман, который заключается в предоставлении займодавцу заведомо ложных и (или) недостоверных сведений. Ложные сведения могут относиться к любым обстоятельствам, в частности к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям [2]. Обман в данном случае характеризуется введением в заблуждение путем сообщения заведомо ложных сведений или несообщения сведений с целью добровольной передачи имущества в пользу виновного или других лиц [3, С. 65].

О наличии обмана могут свидетельствовать, в частности:

1) заведомое отсутствие у заемщика реальной финансовой возможности исполнить обязательство по кредитному договору или отсутствие необходимой лицензии на осуществление какой-либо деятельности;

2) использование заемщиком фиктивных уставных документов или фальшивых гарантийных писем;

3) сокрытие информации о наличии задолженностей и залогов имущества;

4) создание лжепредприятий, выступающих в качестве одной из сторон в сделке.

Перечисленные обстоятельства сами по себе не могут предрешать выводы суда о виновности лица в совершении мошенничества. В каждом конкретном случае необходимо установить, что

заемщик заведомо не намеревался исполнять свои обязательства по кредиту. Действия заемщика, состоящие в получении наличных либо безналичных денежных средств путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений с целью безвозмездного обращения денежных средств в свою пользу или в пользу третьих лиц при заведомом отсутствии у него намерения возратить их в соответствии с требованиями договора, подлежат квалификации по статье 159.1 УК РФ [4].

Однако практика выделила различные случаи, когда формальный обман с учетом некоторых особенностей происходящий в банковской сфере при получении кредита не будет квалифицироваться по ст.159.1 УК РФ.

В случаях когда в целях хищения денежных средств лицо, например, выдавало себя за другое, представив при оформлении кредита чужой паспорт, либо действовало по подложным документам от имени несуществующего физического или юридического лица, либо использовало для получения кредита иных лиц, не осведомленных о его преступных намерениях, основание для квалификации содеянного по статье 159.1 УК РФ отсутствует, ответственность виновного наступает по [статье 159](#) УК РФ [4].

Библиографический список:

1. Уголовное право. Особенная часть. Практикум: учебное пособие для вузов Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 422 с.\ Под ред. И.А. Подройкиной, С.И. Улезько.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001г. №195-ФЗ (в актуальной редакции) //Собрание законодательства РФ. №1 (часть 1). 2002. Ст. 1, 2.
3. Осокин Р.Б. Способы совершения мошенничества: теоретический анализ // Уголовное право: актуальные проблемы юридической науки и практики. М.: Издательская группа "Юрист", 2002. С. 64 – 67.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 (ред. от 15.12.2022) "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате". СПС КонсультантПлюс.

Алкадарский Тельман Шамсудинович
Alkadarsky Telman Shamsudinovich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343

**РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ,
ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УНИЧТОЖЕНИЕ ИЛИ
ПОВРЕЖДЕНИЕ ИМУЩЕСТВА**

**A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION PROVIDING FOR
LIABILITY FOR DESTRUCTION OR DAMAGE TO PROPERTY**

Аннотация: В настоящей статье рассматривается история развития отечественного уголовного законодательства за уничтожение или повреждение

Abstract: This article examines the history of the development of domestic criminal legislation for destruction or damage

Ключевые слова: собственность, ущерб, предмет преступления, состав преступления.

Key words: property, damage, the subject of the crime, the composition of the crime.

С начала зарождения российского государства со стороны общества большое внимание получают общественные отношения, связанные с правом собственности. И сразу возник вопрос: «А как свою собственность защитить?». Ведь её уничтожение или повреждение со стороны третьих лиц лишает как физических, так и юридических лиц значимой для них материальной ценности, что в последующем приводит к отсутствию возможности пользования и целевого обращения с имуществом. Следовательно, вопрос установления ответственности за совершение уничтожения или повреждения имущества появился очень давно и именно поэтому требует глубокого изучения. В законодательстве от Древней Руси до современного периода уничтожение или повреждение имущество всегда было самостоятельным составом преступления, как против личной собственности граждан, так и общественной, и государственной [1, С. 52].

Так, анализируя законодательство дореволюционной России, следует отметить, что еще в XI веке уделялось особое внимание охране собственности граждан от незаконного уничтожения или повреждения их имущества. Первым законом, содержащим упоминание об уничтожении или повреждении имущества, была «Русская правда». Изучив её редакцию в современном виде, можно заметить, что статья 18 данного нормативного акта дает нам понимание о следующем: если кто-либо сломает копье, щит либо другое оружие, то будет возмещать стоимость поломанной вещи. Так же статья 32 говорит о том, что если кто-то умышленно уничтожит путем поджога или повредит княжескую пасеку, будет платить штраф в размере 3 гривен. Такая же санкция ждала и тех лиц, которые согласно статьям 75 и 80 «Русской правды», подрубят пасеку и умышленно перережут веревку сети для ловли птиц. Статья 84 предусматривала следующий состав противоправного деяния: если кто-то умышленно совершит убийство либо повредит чужого коня или рогатый скот, тот будет потерпевшему возмещать ущерб по наивысшей ставке за животное на рынке. Хочется отметить, что статья 83 данного закона предусматривала наивысшую на тот момент меру наказания за преступления против собственности. Она гласила, что если кто-либо умышленно уничтожит или повредит чужое имущество в виде дома путем поджога, тот будет подвергнут разграблению. Следовательно, шансы для дальнейшего существования оставались очень малы.

В XV веке, спустя практически 400 лет, законодательство в сфере общественных отношений, касающихся собственности, шагнуло в сторону наибольшей жестокости. Так, в Судебнике 1497 года, уничтожение или повреждение имущества было выделено в отдельную статью и имело следующий состав. Если кто-либо умышленно из корыстных побуждений путём поджога уничтожит или повредит имущество государя, тот будет подвергнут смертной казни путем сожжения. Но вот уже в более систематизированном Судебнике 1550 года санкции за уничтожение или повреждение имущества шагнули в сторону гуманизма. Вопрос решался следующим образом: потерпевший подавал иск в суд на обвиняемого, и между ними отношения урегулировались путем кулачного

поединка. В случае, если обвиняемый потерпит поражение, ему необходимо было удовлетворить иск потерпевшего в денежном эквиваленте. А если обвиняемый победит потерпевшего, тогда по решению суда иск удовлетворялся частично и обычно составлял половину размера причиненного ущерба в денежном эквиваленте. Так же мог возникнуть вопрос о том, что делать, если обвиняемому нечем платить за причиненный им ущерб? Тогда суд, только в случае его проигрыша, обязывал его отдать потерпевшему причиненный ущерб в виде пищи или скота [3, С. 142].

Уголовное законодательство развивалось и не оставляло без внимания защиту собственности граждан. Уже в 1649 году в памятнике российского законодательства - Соборном Уложении - снова упоминается уничтожение или повреждение имущества путем поджога. В тот период данный состав предусматривал наказание в виде смертной казни и приравнивался к преступлениям против общественной безопасности, таким как разбой и даже убийство. Данный нормативный акт содержал в себе целых 10 статей, посвященных уничтожению или повреждению имущества. Все эти составы отличались между собой по способу совершения. К примеру, статьи 216-218 говорили о том, что тот, кто испортит чужое имущество, будет наказан «битьем ботагом». А вот статья 220 звучит следующим образом: «если тот, кто умышленно вырубит лес без специального на то разрешения, будет платить штраф в размере цены леса, установленный государем» [4, С. 421]. В данном нормативном акте закреплена была ответственность и за уничтожение или повреждение имущества путем поджога по неосторожности. Данное преступление предусматривало санкцию в виде штрафа, назначенного государем. Статья 228 Соборного Уложения имела следующую формулировку: «если кто-либо в силу личной неприязни или корыстных побуждений уничтожит или повредит чужое имущество путём поджога, будет «лишен живота своего», то есть подвергнется смертной казни путем сожжения».

В силу политического, идеологического и социально-экономического скачка жизненных условий вперед, возникла необходимость в соответствующих по времени изменениях в уголовном законодательстве, касающихся защиты собственности. В XVIII веке по инициативе Петра I был издан такой нормативный правовой акт как Артикул Воинский. В данном документе содержалась целая глава, в которой были закреплены составы умышленного уничтожения или повреждения имущества. Данные преступления разграничивались уже не только по способу, но и по месту совершения преступления. К примеру, артикул 182 предусматривал следующий состав преступления: «если кто-либо по неосторожности уничтожил или повредил имущество путем поджога на территории Российской Империи, то виновные обязаны были возместить причиненный ущерб и по приговору суда могли быть подвергнуты наказанию». А артикул 183 предусматривал наоборот ответственность за умышленное уничтожение или повреждение имущества путем поджога, совершенные на «землях неприятельских». За данное преступление, виновные подвергались наказанию в виде заключения в темницу и отставкой со службы военным судом. А нормы, касающиеся умышленного уничтожения или повреждения имущества путем поджога из корыстных побуждений, наказывались смертной казнью путем сожжения [5, С. 214].

В 1845 году было издано Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. В данном документе имелась глава, посвященная преступлениям против частной собственности лиц. Виновные лица, обвиняемые в совершении преступлений, находящихся в этой главе, подлежали уголовной ответственности и должны были в полном объеме возмещать причиненный ими ущерб.

В принятом в 1864 году Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, есть перечень статей, в которых указана ответственность в виде штрафа за порчу или повреждение дорог, шоссе, тротуаров, бордюров, чужих изгородей, перил столбов и иного имущества, находящегося во владении города.

В Уголовном Уложении 1903 года в главе 30 «О повреждениях имущества, путей сообщений, предостерегательных, граничных и других тому подобных знаков и иных вещей» законодатель говорит о повреждении и уничтожении имущества. Повреждение носило в себе комплексный характер и подразумевало как порчу вещи, так и приведение ее в полную негодность без возможности восстановления. Впервые в истории, в этом последнем уголовном законе дореволюционной России речь шла об ущербе в результате такого повреждения. Конкретики же насчет суммы ущерба не было. Виновным в данном повреждении имущества признавался лишь тот, кто испортил ценное имущество.

Так же Уголовное Уложение 1903 г. уделило внимание повреждению имущества по неосторожности. Но ответственность возникала лишь в случае, если вред был причинен

определенным предметам. Перечень таких предметов был исчерпывающий и включал в себя: телеграф, телефон, железнодорожный путь и морское судно.

Большой заслугой Уголовного Уложения 1903 года стало выделение субъекта преступления за повреждение имущества. Статья 40 говорила о том, что лицо, достигшее 10 лет, несло ответственность за совершение данного преступления, однако было и исключение. Лица с 10 до 17 лет, которые не давали отчет своим действиям и не могли руководить ими, ответственность за совершение данного преступления не несли.

Однако, с момента прихода советской власти, уголовное законодательство не перенимает опыт Российской Империи и движется в своем направлении развития. В 1917 году издается первый нормативный правовой акт уголовного характера, в котором речь идет и о порче чужого имущества. Декрет «О земле», принятый вторым Всероссийским съездом советом рабочих и солдатских депутатов 26.10.1917 года, имел формулировку: «порча конфискованного имущества, принадлежавшего всему народу, отныне является тяжким преступлением и наказывается революционным судом».

Первые годы правления советской власти не давали большие плоды в области прогрессирования уголовного законодательства. В большинстве случаев все проблемы решались через принятие ситуативных актов, регулирующих конкретную сферу поведения. Частным актом в сфере установления уголовной ответственности за умышленное повреждение или уничтожение имущества было Постановление Совета Труда и Обороны от 27.07.1920, которое предусматривало наказание за поджог леса.

Первым актом, где нашли отражение все признаки уничтожения или повреждения имущества, стал Уголовный кодекс РСФСР 1922 года. В данном уголовном законе законодатель впервые сослался на умысел лица и способ совершения преступления. Статья 196 УК РСФСР 1922 года называлась «Умышленное истребление или повреждение какого-либо имущества путем поджога, потопления и иным общеопасным способом». Законодатель в данной норме уделил большое внимание способу совершения преступления. Суд лично выносил решение о признании того или иного способа общеопасным. В последующем, в 1925 году Декретом ВЦИК и СНК, в данную норму было внесено изменение. Прошлая формулировка статьи стала являться второй частью нормы, а в качестве первой части внесли формулировку: «Умышленное истребление или уничтожение имущества, принадлежащего частному лицу». Данное преступление предусматривало наказание в виде лишения свободы до 1 года либо штраф в размере 500 рублей [6, С. 62].

Второй Уголовный кодекс РСФСР, принятый в 1926 году лишь повторял норму статьи 196 УК РСФСР 1922 года. Однако возникли некоторые изменения. Часть 1 статьи 196 «Умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежавшее частному лицу» была отнесена в качестве самостоятельного состава преступления к сфере имущественных преступлений, а «истребление или повреждение общественного имущества» было выделено в качестве самостоятельного состава во второй главе УК РСФСР 1926 года «Преступления против порядка управления».

Уголовный закон РСФСР, принятый в 1960 году, внес большие изменения в области установления ответственности за уничтожение или повреждение имущества. Данный нормативный правовой акт разделил этот состав преступления на две главы, различающиеся между собой объектом посягательства. Это глава 2 «Преступления против социалистической собственности» и глава 5 «Преступления против личной собственности граждан». Так же законодатель установил неосторожную форму вины при совершении повреждения или уничтожения имущества и выделил типы ущерба: простой и крупный (ст. 99 УК РСФСР). Размеры этих ущербов не конкретизировались и являлись оценочными. УК РСФСР 1960 года в состав преступления, предусмотренный статьей 98 «Умышленное уничтожение или повреждения лица», ввел понятие «иных тяжких последствий». Под ними, как правило, понимались причинение смерти либо вреда здоровью другому лицу, разрушение водо- либо газопроводов и другое. Если такие последствия имели место быть, то субъект преступления нес наказание с 14-летнего возраста.

Таким образом, уголовное законодательство развивалось в ногу с историей. Так, ответственность за совершение такого преступления, как уничтожение или повреждение имущества, предусматривалась уже в самых первых уголовных документах российского государства. С момента закрепления за человеком имущества в виде собственности, вопрос об ответственности за данный состав преступления стал очень актуальным. Наказания за уничтожение или повреждение имущества

были различны в разный период времени. Они максимально отличались друг от друга, от штрафа до смертной казни. Конечно, смертной казнью наказывали только тех виновных, кто умышленно уничтожал или повреждал имущества князей, государя или царя. В основном, за совершение данных преступлений, как иллюстрируют нам приведенные выше нормативные правовые акты дореволюционной России, виновным назначались штрафы и возникала обязанность возмещения причиненного ими вреда. Однако Уголовное уложение 1903 года впервые ввело экономический признак преступления – сумму причиненного ущерба, которое выражалась в ценности предмета для потерпевшего. Так же данный нормативный акт установил минимальный возрастной порог ответственности за совершение повреждения или уничтожения имущества.

Советская власть не стала перенимать богатый опыт Российской Империи и пошла своим путем в области развития уголовного законодательства. В первом уголовном кодексе РСФСР 1922 года не было четкой нормы, регулирующей уничтожение или повреждение имущества. Однако существовали частные нормативные правовые акты, которые указывали на данное противоправное деяние и на наказание в случае его совершения. В Уголовных Кодексах РСФСР 1926 и 1960 годах появились конкретные составы преступления «Умышленное уничтожение и повреждение имущества» и «Неосторожное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества», имеющих схожие признаки со ст. 167 и 168 УК РФ.

Библиографический список:

1. Елисеев С.А. Преступления против собственности в истории уголовного законодательства России. - Томск, 2005. - С. 52.
2. Есипов В. Повреждение имущества огнем по русскому праву. - СПб., 1892. - С. 142
3. Бойцов А.И. Преступления против собственности. - СПб, 2002. - С. 421.
4. Безверхов А.Г. Имущественные преступления. - Самара: изд-во Самарского ун-та, 2011. - С. 214.
5. Волков Б.С. Ответственность за уничтожение и повреждение имущества по советскому уголовному праву. - Казань, 1961. - С. 62.

Яковлев Александр Владиславович
Yakovlev Aleksandr Vladislavovich

доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Льянова Аза Ахметовна
Lianova Aza Akhmetovna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ЗНАЧЕНИЕ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

THE SIGNIFICANCE OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE CRIME

Аннотация: статья рассматривает элементы и признаки объективной стороны преступления четко отграничивая данные понятия.

Annotation: the article examines the elements and signs of the objective side of the crime clearly delineating these concepts.

Ключевые слова: преступление, признак, элемент, объективная сторона.

Keywords: crime, attribute, element, objective side.

Значение объективной стороны преступления трудно переоценить. Для криминалиста - это одна из важнейших характеристик преступления; для криминолога - исходный материал для разработки профилактических мер по предупреждению преступлений; для правоприменителя и специалиста в области уголовного права, в частности, объективная сторона представляет интерес с позиции общей теории состава преступления, теории квалификации преступлений и теории наказаний[3, С.97].

По мнению А.И. Бойко, «значение объективной стороны обусловлено тем, что:

- она выступает в качестве одного из элементов состава преступления и поэтому необходима для обоснования уголовного преследования (ст. 8 УК РФ);
- она свидетельствует о степени общественной опасности всего деяния и его автора в наилучшей степени;
- по ней определяется момент окончания преступления, дифференцируются стадии совершения умышленного преступления и индивидуализируется ответственность;
- она используется для разграничения преступлений, совпадающих по объекту и другим элементам состава, а также в качестве отграничения преступлений от деликтов иной отраслевой принадлежности;
- она наряду с идеей субъективного вменения должна быть положена в основу уголовно-правового упрека»[1, С.55].

Как уже отмечалось, значение объективной стороны преступления прежде всего состоит в том, что в пределах состава преступления она является объективным основанием уголовной ответственности по российскому уголовному праву.

Для наличия преступления недостаточно субъекта, замышляющего преступление, объекта, на который направлено посягательство, жертвы этого посягательства и самого преступного намерения, каким бы оно твердым ни было, а необходимо, кроме того, чтобы преступные цели и намерения субъекта проявились вовне в его общественно опасных действиях или бездействии.

Объективная сторона - это тот элемент, который наиболее непосредственно обнаруживается при совершении преступления и легче поддается исследованию. Как отмечалось, объективная сторона - один из элементов состава. Если никаких признаков объективной стороны не установлено или эти признаки не удовлетворяют требованиям закона, состав преступления отсутствует. Причем имеют значения не только основные, но и факультативные признаки.

Признавая объективную сторону обязательной для каждого преступления независимо от

других элементов состава преступления, мы тем самым не стремимся утверждать, что она имеет самостоятельное уголовно-правовое значение. Все остальные элементы также необходимы для признания деяния преступлением.

Объективная сторона позволяет определить другие элементы и признаки состава. По объективной стороне можно установить объект, субъективную сторону, а подчас и субъект преступления.

Только совокупность всех элементов состава преступления в целом является основанием уголовной ответственности, только все признаки содеянного в их сочетании позволяют правильно решить вопрос о степени вины лица и необходимой мере уголовного наказания[2, С.172].

Объективная сторона преступления имеет важное значение и учитывается при индивидуализации ответственности и наказания[4, С.201].

Содержание объективной стороны преступления имеет важное значение для квалификации содеянного, при отграничении преступлений от иных правонарушений, при разграничении смежных составов преступлений.

Правильное установление признаков объективной стороны весьма важно для разграничения преступления от иных правонарушений. Это разграничение должно, в первую очередь, проводится по степени общественной опасности.

Преступление отличается от иных правонарушений (административных, дисциплинарных и др.) более высокой степенью общественной опасности. Следовательно, раскрытие уголовно-правового значения объективной стороны преступления, в первую очередь, предполагает определение его роли в процессе разграничения преступлений и иных правонарушений.

Библиографический список:

1. Бойко А.И. Преступное бездействие. - СПб., 2003. - 265с.
2. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. - М., 2000. -276с.
3. Плотников А.И. Уровни обобщения объективных и субъективных признаков преступления при его изучении и установлении //Стратегия развития в XXI веке: Материалы 9-ой Международной научно-практической конференции. - М., 2012. – С. 92-99.
4. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник /Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. - М.: Инфра-М, 2013. –510с.

Романченко Маргарита Сергеевна
Romanchenko Margarita Sergeevna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ПРИЗНАК РЕАЛЬНОСТИ УГРОЗЫ НАСИЛИЯ

A SIGN OF THE REALITY OF THE THREAT OF VIOLENCE

Аннотация: статья рассматривает различные точки зрения, касающиеся реальности угрозы. Определяются критерии такой реальности, указываются факторы, определяющие реальность такой угрозы.

Annotation: the article examines various points of view regarding the reality of the threat. The criteria of such reality are determined, the factors determining the reality of such a threat are indicated.

Ключевые слова: преступление, угроза, признак, фактор, реальность.

Keywords: crime, threat, sign, factor, reality.

Важнейшим признаком угрозы является ее реальность. В статье 119 УК РФ этот признак сформулирован как "основания опасаться осуществления угрозы".

Однако, ни по вопросу о значении признака реальности, ни относительно его содержания в уголовном праве России нет единства мнений. Некоторые ученые полагают, что признак реальности угрозы присущ только одному составу преступления, статье 119 УК РФ [4, С.127]. Другие считают, что он является обязательным признаком любой угрозы, в том числе выступающей в качестве способа совершения другого преступления [3, С.99].

Вторая точка зрения представляется более предпочтительной. Как отмечалось выше, сущность угрозы составляет самоограничение личности в свободе осуществления своей деятельности, возбуждение чувства страха. Ограничение наступает не само по себе, а лишь тогда, когда потерпевшим осознается нежелательность и возможность утраты своего блага. Следовательно, в объективном мире угроза выступает внешним фактом, событием по своей природе способным повлиять на поведение другого лица.

Сказанное относится к любой угрозе, независимо от того, является ли она основным содержанием преступного деяния или одним из элементов объективной стороны.

Совершенно иной смысл приобретает угроза, хотя фактически и нереальная, но искусно выраженная угрожаемым в целях действительно запугать лицо, и если это ему удастся. Например, угроза с использованием тех же макетов оружия. В данном случае в наличии имеется субъективный критерий, выраженный в форме вины лица, совершающего угрозу, который в судебной практике кладется в основу оценки при признании угрозы преступной при условии, что угроза достигла своей цели.

Наиболее четко данное положение закреплено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ №29 от 27 декабря 2002 года "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое". В Постановлении говорится: "Если лицо лишь демонстрировало оружие или угрожало заведомо негодным или не заряженным оружием либо имитацией оружия, например, макетом пистолета, игрушечным кинжалом и т.п., не намереваясь использовать эти предметы для причинения телесных повреждений, опасных для жизни или здоровья, его действия (при отсутствии других отягчающих обстоятельств) с учетом конкретных обстоятельств дела следует квалифицировать как разбой"[1].

На реальность словесной угрозы могут указать: сопутствующая ей конкретная ситуация (место, время, обстановка), интенсивность выражения угрозы, предшествующие взаимоотношения виновного и потерпевшего, а также характер личности виновного. При характеристике личности угрожающего учитываются: его взрывной характер, устойчивая насильственная антиобщественная ориентация, бурные проявления злобы, ненависти, жестокости, обиды, систематическое пьянство, прежние судимости за насильственные преступления, экстремальное психическое состояние и т.д.

Основываясь на исследовании, по нашему мнению, признаки реальности угрозы можно разделить на две группы взаимосвязанных между собой критериев:

а) критерии, относящиеся к угрожающему: его умышленные действия с целью запугать потерпевшего (угроза), способ совершения угрозы, обстановки в которой она совершается, взаимоотношения виновного с угрожаемым, характеристика личности угрожающего;

б) критерии, относящиеся к угрожаемому: осознание угрозы, осознание наличия возможности потери блага, в отношении которого высказана угроза (испуг), психологические и физические качества угрожаемого.

Любая угроза совершается только путем активных действий, так как, бездействием на волю потерпевшего воздействовать практически невозможно. Такие действия могут заключаться в передаче информации об определенном вреде, который виновный якобы намерен причинить другому лицу, путем произнесения или написания слов. Однако такая передача информации еще не обладает способностью воздействия на психику другого человека. Поэтому, передача информации должна быть облачена способом ее передачи, например, жестом, демонстрацией ножа. В другом случае, сама обстановка - безлюдное место, ночное время, способны представить действия виновного опасными. Характеристика личности виновного, его взаимоотношения с потерпевшим в совокупности с переданной информацией способны воздействовать на психику потерпевшего в большей или в меньшей степени.

Что касается потерпевшего, то надо отметить, что признание угрозы реальной во многом зависит от его личностных качеств и свойств как социального, так и биологического свойства. Осознание им самой угрозы, ее содержания и возможности потери блага, а также нежелательность такого последствия должны быть неотъемлемым элементом реальности угрозы наряду с ее объективной реальностью. [2, С.19].

Итак, признаками реальности угрозы могут, на наш взгляд, служить следующие факторы:

- а) активность проявления угрозы;
- б) наличие возможности ее осуществления;
- в) серьезность причин угрозы;
- г) осознанность содержания и характера угрозы потерпевшим;
- д) угроза должна быть действительной, а не мнимой, т.е. должен присутствовать прямой умысел преступника и цель запугать, внушить страх;
- е) социально-психологическая и бытовая характеристика угрожающего;
- ж) социально-психологическая характеристика потерпевшего.

Надо заметить, что все указанные критерии и признаки реальности уголовно-наказуемой угрозы только в своей совокупности могут решить вопрос о ее общественной опасности и наказуемости.

Библиографический список:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ №29 от 27 декабря 2002 года "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое"// Российская газета от 18 января 2003 г., № 9.
2. Гребенкин М.Ф. Объективные элементы состава ст. 119 УК РФ //Уголовное право. 2015-С. 15-23.
3. Матышевский П.С. Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. - М.: Статут, 2014. -198с.
4. Яковлев Я.М. Половые преступления. - Самара: Ирфон, 2017. - 201с.

Клочкова Александра Леонидовна
Klochkova Alexandra Leonidovna

доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Бачиев Гамзат Зурабович
Bachiev Khamzat Zurabovich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343

СТАНОВЛЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

THE FORMATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR DRUG CRIMES IN THE DOMESTIC CRIMINAL LEGISLATION

Аннотация: В настоящей статье рассматривается история развития отечественного уголовного законодательства за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков.

Ключевые слова: преступление, противодействие, наркопреступления.

Abstract: This article examines the history of the development of domestic criminal legislation for crimes in the field of drug trafficking

Key words: crime, counteraction, drug crimes.

Распространение наркотиков в России связано с появлением и развитием аптечного дела, расширением территории за счет Кавказа, Средней Азии, Дальнего Востока, миграцией иностранного населения, а также с ростом торговых отношений с Англией, Китаем и другими странами. Подтверждением является принятие таких антинаркотических правовых актов, как «О воспрещении жителям Туркестанского края приготовления и продажи наркотических веществ» (1880г.), «Закон о запрещении посевов опиийного мака», «Указ о мерах борьбы с опиокурением» (1915г.), «О порядке продажи ядовитых веществ и аптекарских материалов» (1813г.), «О новых правилах продажи ядовитых и сильнодействующих веществ и каталогах оных» (1830), «Списки ядовитых и сильнодействующих веществ» (1892г.), «Кокаин, отравления им и воспрещение продажи без рецепта» (1893г.), Уголовное уложение 1903г., в котором установлена ответственность за контрабанду наркотиков, а также за «незаконное изготовление, приобретение, хранение и сбыт курительного опиума, предоставление помещения для опиокурения, а равно трубок и других приспособлений для курения его» и другие.

В период 1918-1934 гг. правительство Советской России вплотную столкнулось с проблемой распространения отдельных видов наркотиков среди населения. Совет народных комиссаров уже в первые месяцы своего существования 31 июня 1918 г. принял Постановление «О борьбе со спекуляцией кокаином» [1, С. 31]. В обязанность правоохранительных органов вошла борьба с наркопреступлениями.

В Уголовном кодексе 1922 г. первоначально не существовало специальных норм. Для борьбы с наркопреступлениями применялась ст.215 УК РСФСР, устанавливающая ответственность за приготовление, хранение, сбыт ядовитых и сильнодействующих веществ [1, С. 126].

9 апреля 1924г. по предложению ВЦИК и СНК Президиумом Госплана СССР была создана специальная комиссия для организации борьбы с распространением наркотических средств. 22 декабря 1924г. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР была введена уголовная ответственность за распространение наркомании.

Постановлением СНК РСФСР от 6 ноября 1924 г. «О мерах регулирования торговли наркотическими веществами» запрещалось в пределах РСФСР свободное обращение всех наркотических средств, оказывающих вредное воздействие на здоровье населения: кокаина, и его солей, опия и его производных. Распределение наркотических средств предусматривалось только через Народный комитет здравоохранения при условии соблюдения их строгого учета и контроля [2,

С. 236].

Задачи планомерной и целенаправленной уголовно-правовой борьбы с незаконным оборотом наркотиков получили в 1925-1926 гг. дальнейшее выражение в уголовно-правовых нормах, включенных в УК РСФСР 1926 г. и ряде директивных документов, направленных на улучшение контроля за получением и распределением наркотических средств.

В ст.104 УК РСФСР 1926 г. была предусмотрена ответственность за изготовление и хранение с целью сбыта и сбыт кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ без надлежащего разрешения. В данной статье сохранилась сходная диспозиция, однако, по сравнению со ст.140-д УК РСФСР 1922 г. была значительно снижена санкция. Это объяснялось, возможно, наметившимся в тот период снижением наркотизации населения, определенными успехами в борьбе с наркобизнесом в стране, либо общими тенденциями гуманизации уголовной политики.

Во второй половине 50-х годов наметился очередной всплеск наркотизации населения страны. С этим периодом совпало принятие Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., а затем и Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., который закрепил новые составы преступлений, связанные с незаконным оборотом наркотиков (ст.224, 225 и 226 УК РСФСР).

Ст. 224 «Изготовление или сбыт ядовитых или наркотических веществ» состояла из двух частей. Частью первой была установлена ответственность за «изготовление, сбыт, а равно хранение с целью сбыта или приобретения с той же целью наркотических веществ без специального на то разрешения», частью второй - за те же действия, предметом которых являлись другие сильнодействующие или ядовитые вещества, не относящиеся к наркотическим, а частью третьей - за «нарушение установленных правил производства, хранения, отпуска, учета, перевозки, пересылки наркотических и других сильнодействующих и ядовитых веществ».

Ст.ст. 225 и 226 УК РСФСР 1960 г. содержали каждая по одной части. Ст. 225 «Посев опийного мака или индийской конопли без разрешения», а ст. 226 «Содержание притонов и сводничество» - за «содержание притонов разврата, сводничество с корыстной целью, а равно содержание притонов для потребления наркотиков либо содержание игорных притонов». Наиболее существенное различие названных норм УК РСФСР 1926 г. и УК РСФСР 1960г. состояло в изменении предмета преступлений, ответственность за которые предусматривалась ст. 104 УК РСФСР 1926г. и ст. 224 и 225 УК РСФСР 1960 г. Предметом первого являлись кокаин, опий, морфий, эфир и другие одурманивающие вещества, а последних - соответственно наркотические вещества и наркотики.

Указом от 15 июля 1974 г. был внесен ряд изменений и дополнений в Общую часть УК РСФСР 1960 г. В частности, на основании ч. 2 ст. 7-1 хищение наркотических веществ с целью сбыта и хищение их при отягчающих обстоятельствах было отнесено к категории тяжких преступлений; в соответствии с ч. 2 ст. 10 уголовная ответственность за хищение наркотических веществ устанавливалась с четырнадцатилетнего возраста; согласно п. 3 ст. 53-1 запрещалось применение условно-досрочного освобождения от наказания и замены наказания более мягким к лицу, осужденному за незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку или пересылку с целью сбыта или сбыт наркотических веществ при отягчающих обстоятельствах либо за хищение наркотических веществ при отягчающих обстоятельствах.

Приведенные изменения и дополнения УК РСФСР 1960г. были обусловлены присоединением СССР к Единой конвенции 1961г. о наркотических средствах, которая была ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР «О ратификации Единой конвенции о наркотических средствах» от 14 декабря 1963 г. [4] В ст.ст. 224, 224.1, 224.2 и 226.1 УК РСФСР 1960 г. слово «вещества» с атрибутом «наркотические» было заменено словом «средства» с тем же атрибутом. Законом РСФСР «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях» от 5 декабря 1991г. отменялась уголовная ответственность за потребление наркотических средств без назначения врача, в связи, с чем были внесены соответствующие изменения в ст. 224 и ч. 2 примечания к ст. 224 УК РСФСР 1960 г. [5].

Таким образом, отечественное законодательство развивалось в направлении декриминализации приобретения и хранения наркотических средств в небольших количествах. Попытка применения норм института деятельного раскаяния в качестве стимулирующего позитивное поведение существовала до вступления в законную силу УК РФ 1996 г.

Одновременно законодателем постоянно расширялась сфера применения уголовной

репрессии. Вводилась ответственность за немедицинское потребление наркотиков, предоставлены дополнительные полномочия органам охраны правопорядка. При этом, учитывая текущее положение в сфере наркобезопасности, говорить об эффективности применяемых уголовно-правовых и организационных мер на текущий момент сложно.

Библиографический список:

1. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952гг. - М.: Юридическая литература, 1953. - С. 31.
2. Российское законодательство X-XX веков. - М.: Совюриздат, 1984. Т.1. - С. 236.
3. Наркомания. Правовые и медицинские проблемы /Под ред. С.П. Генайло, Р.М. Готлиб, Л.И. Романова. - Владивосток, 1988. - С. 133.
4. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ратификации Единой конвенции о наркотических средствах» от 14 декабря 1963г. //Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. №52. Ст. 546. (Утратил силу).
5. Закон РСФСР «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях» от 5 декабря 1991г. //Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. №25. Ст. 354. (Утратил силу).

Яковлев Александр Владиславович
Yakovlev Aleksandr Vladislavovich

доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Аббасов Евгений Дмитриевич
Abbasov Yevgeniy Dmitriyevich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343

**АНАЛИЗ СУБЪЕКТА СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ.234
УК РФ**

**ANALYSIS OF THE SUBJECT OF THE CORPUS DELICTI PROVIDED FOR IN
ARTICLE 234 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме определения субъекта преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ.

Abstract: This article is devoted to the problem of determining the subject of a crime under Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: преступление, субъект преступления, состав преступления.

Key words: crime, the subject of the crime, the composition of the crime

В число обязательных элементов состава преступления входит субъект преступления. Отсутствие в деянии признаков субъекта преступления, установленных уголовным законом, свидетельствует об отсутствии состава преступления. Поэтому применительно к деяниям малолетних или психически больных, какую бы высокую степень опасности они ни представляли, не употребляется термин «преступление».

Субъект преступления в общем смысле слова – это лицо, совершившее преступление. В более узком, специальном смысле слова субъект преступления – это лицо, способное нести уголовную ответственность в случае совершения им умышленно или неосторожно общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. Из всех многочисленных свойств личности преступника закон выделяет такие, которые свидетельствуют о его способности нести уголовную ответственность. Именно эти признаки характеризуют субъект преступления.

Субъектом незаконного оборота сильнодействующих и ядовитых веществ может быть признано физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста [2, С. 11].

Следует подчеркнуть, что уголовная ответственность наступит только в том случае, если лицо достигло соответствующего возраста ко времени совершения преступления. Временем совершения преступления признаётся время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий.

Обязательным признаком субъекта преступления является его вменяемость, поскольку в силу прямого указания ст. 21 УК РФ лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, не подлежит уголовной ответственности. Уголовное законодательство не содержит определения вменяемости, однако формулирует понятие невменяемости.

Согласно ст. 21 УК РФ невменяемость представляет собой неспособность лица, совершившего общественно опасное деяние, осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики. Исходя из определения невменяемости, сформулированного в ст. 21 УК РФ, можно сделать вывод, что вменяемость представляет собой способность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своего деяния (интеллектуальный момент) и руководить им (волевой момент).

Какие-либо специальные признаки субъекта преступления в ст. 234 УК РФ отсутствуют.

Отсюда можно сделать вывод, что любое физическое вменяемое лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста, за исключением предусмотренного в ч. 3 ст. 20 УК РФ, может быть признано субъектом данного преступления.

Анализ современного состояния криминогенной обстановки в сфере незаконного оборота сильнодействующих и ядовитых веществ свидетельствует, что ее оздоровлению будут способствовать дополнение ст.234 УК РФ, таким квалифицирующим признаком как совершение деяний, предусмотренных ст.234 УК РФ сотрудниками аптечных организаций.

Статистика также свидетельствует, что на территории Ростовской области из 149 преступлений, квалифицированных в 2021 году по ст.234 УК РФ, 2 совершено сотрудниками аптек, аналогичные показатели за 2022 год составили 193 и 13, за 11 месяцев 2023 года – 156 и 9, соответственно.

Учитывая изложенное, предлагаем заменить в ч.2 ст.234 слова «по предварительному сговору,» словами «по предварительному сговору либо сотрудником аптечной организации».

Библиографический список:

1. Векленко В.В. Законодательное определение умышленной вины нуждается в совершенствовании // Уголовное право. 2003. №1. - С. 15.
2. Ермаков М.Г. Уголовно-правовая характеристика незаконного оборота сильнодействующих и ядовитых веществ: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - Омск, 2014. - С.11.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» от 14 февраля 2000г. №7 (в актуальной редакции) //Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. №4. - С. 10.

Бачиев Гамзат Зурабович
Bachiev Khamzat Zurabovich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЯМ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

THE MAIN CONCEPTS OF COUNTERACTION DRUG CRIMES IN FOREIGN COUNTRIES

Аннотация: Данная статья посвящена противодействию наркопреступлениям в зарубежных странах.

Abstract: This article is devoted to countering drug crimes in foreign countries.

Ключевые слова: преступление, противодействие, наркопреступления.

Key words: crime, counteraction, drug crimes.

Противодействия наркоугрозе ведется во всем мире. На сегодняшний день существуют различные направления борьбы. В одних странах приемлют исключительно силовые методы борьбы (в том числе применение жесточайших наказаний, вплоть до вынесения смертных приговоров и использование вооруженных сил); представители второго направления являются приверженцами комплексных программ; третье направление представляют пропагандисты легализации потребления наркотиков.

В зависимости от действующих на данный момент законодательных моделей борьбы с распространением и потреблением наркотиков страны группируют по степени жесткости отношения к проблеме немедицинского потребления наркотиков.

1. Страны с наиболее жестким законодательством, предусматривающим повышенную, вплоть до смертной казни, ответственность за преступления, связанные с наркотиками. Это Иран, Китай, Пакистан, Малайзия, Нигерия.

2. Страны, жестко контролирующие оборот наркотиков. К ним относятся США, Великобритания, Франция.

3. Государства с либеральным антинаркотическим законодательством. Характерными ее представителями являются Нидерланды и Испания. Уголовная ответственность предусмотрена только за сбыт и хранение «тяжелых» наркотиков (героина, кокаина, опия...).

Наиболее интересным законодательством в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков из стран первой группы, как нам видится, является законодательство Ирана.

В соответствии с Законом о борьбе с употреблением наркотиков 1988 года установлено восемь видов деяний, совершение которых карается различными видами наказания. Так, согласно ст. 1 данного нормативного акта незаконными являются: культивирование маковых и конопляных насаждений с целью их производства; производство наркотиков, их контрабандный вывоз и ввоз; хранение, транспортировка и торговля наркотиками и их распространение; создание или функционирование специального заведения, где можно употреблять наркотики; употребление наркотиков различными способами, за исключением случаев, предусмотренных Законом; изготовление инструментов и приборов, предназначенных для употребления наркотиков или их производства; оказание покровительства и предоставление убежища наркоманам, находящимся под следствием; уничтожение или сокрытие вещественных доказательств, предъявленных обвиняемому [1, С. 28.].

В качестве мер наказания за совершение данных деяний предусматриваются штраф, наказание плетью, конфискация имущества, тюремное заключение, пожизненное заключение, смертная казнь. В рассматриваемом уголовном законодательстве за совершение наиболее тяжких преступлений, связанных с наркотиками, имеются санкции, предусматривающие пожизненное заключение или смертную казнь с конфискацией имущества виновного.

Весьма интересно законодателем решен вопрос о назначении наказания за соучастие в

преступлениях, связанных с наркотиками. Лицо, признанное пособником обвиняемого в совершении преступлений данного вида, может быть приговорено судом к лишению свободы на срок от 1/5 до 1/2 срока наказания, предусмотренного для обвиняемого лица. В том случае, если виновному предусматриваются альтернативные меры наказания: лишение свободы или смертная казнь, то пособнику грозит наказание в виде лишения свободы на срок от 4 до 10 или от 10 до 15 лет. Пособнику в совершении побега преступником-наркоманом назначается половина срока наказания, предусмотренного лицу, совершившему побег. Если пособником является сотрудник правоохранительных органов, ему может быть назначено наказание, аналогичное наказанию преступнику-наркоману.

Из стран, жестко контролирующих оборот наркотиков, хотелось бы отметить Францию. Основным нормативным документом, предусматривающим наступление уголовной ответственности за совершение незаконных действий, связанных с наркотиками, в этой стране, помимо УК, является Кодекс здравоохранения.

Во Франции установлена уголовная ответственность за следующие виды деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств: незаконное производство наркотиков, классифицированных в качестве ядов; незаконное производство веществ, классифицированных в качестве наркотиков; незаконный сбыт наркотиков, классифицированных в качестве ядов; незаконный сбыт веществ, классифицированных в качестве наркотиков, а равно незаконный сбыт наркотиков в небольшом размере; незаконное хранение наркотиков; незаконное потребление наркотиков.

Новеллой французского законодательства в области борьбы с распространением наркомании, в частности, среди несовершеннолетних, явилась норма, запрещающая издание и продажу литературы, призывающей данную категорию лиц к хранению, употреблению и торговле наркотиками. Французское законодательство предусматривает привлечение к уголовной ответственности лиц, признанных виновными в незаконном предложении или продаже наркотиков несовершеннолетнему, либо в помещении учебных заведений, либо в помещениях административных органов. Это преступление влечет наказание в виде лишения свободы на срок от 2 до 10 лет.

В законодательстве содержатся поощрительные положения, связанные с освобождением от наказания за участие в преступных организациях занимающихся наркобизнесом лиц, добровольно сообщивших о такой преступной группе компетентным государственным органам или судебным властям, при условии, что это сообщение помогло предотвратить преступление и установить личность других участников. В случае если преступное деяние уже совершено и не существовало никакой возможности его предотвратить, максимальное наказание, предусмотренное за него законом для участника преступления, сокращается в два раза при условии, если данное лицо до привлечения его к ответственности будет содействовать опознанию других виновных лиц или, будучи привлеченным, к ответственности, окажет содействие аресту последних.

Наиболее ярким представителем стран третьей группы являются Нидерланды. Основой правового регулирования обращения наркотических средств в данной стране служит не только УК, но и «Опиумный закон» 1928 года. С тех пор он несколько раз видоизменялся применительно к требованиям времени.

В 1976 году в нем были закреплены различия между сильными и слабыми («легкими») наркотиками, заложившие основу либеральной политики Голландии в отношении наркотиков. «Сильными» наркотиками в Голландии считаются героин, кокаин, амфетамин, ЛСД и экстази. К «легким» наркотикам относятся продукты конопли, снотворные и седативные средства.

Последние изменения в антинаркотическое законодательство свидетельствуют о его ужесточении.

Так, владение или употребление небольшого количества легких наркотиков (до 5 гр в личных целях) законодательно не преследуется. Хранение от 5 до 30 гр конопли для личного пользования наказывается лишением свободы до одного месяца и/или штрафом в размере 3350 евро.

Выращивание конопли (более пяти растений) наказывается лишением свободы до шести лет и/или штрафом в размере 67 тысяч евро.

Хранение более 0,5 грамма сильнодействующих наркотиков наказывается лишением свободы до четырех лет и/или штрафом в размере 67 тысяч евро.

Продажа сильнодействующих наркотиков наказывается лишением свободы до восьми лет

и/или штрафом в размере 67 тысяч евро.

Производство тяжелых наркотиков наказывается лишением свободы до 12 лет и/или штрафом в размере 67 тысяч евро.

Проведя анализ зарубежного антинаркотического законодательства, можно сделать вывод о том, что процесс наркотизации населения затронул практически все страны мира. Несколько последних лет наметилась четкая тенденция к ужесточению репрессивных мер. В практику противодействия наркопреступности внедряется как добровольное, так и принудительное лечение наркоманов.

Библиографический список:

1. Организационно-правовые основы борьбы с незаконным оборотом наркотиков в зарубежных странах /Под ред. И.А. Воробьева, Б.С. Воронцова, В.В. Князева. - М.: Приор, 2005. - С. 28.
2. Панов В.П. Международное уголовное право. - М.: Юрист, 1997. – 283с.
3. Противодействие незаконному обороту наркотических средств /Под ред. А.Н. Мусаева, П.Н. Сбирунова. - М.: Юрист, 2009. – 245с.

Улезько Иван Сергеевич
Ulezko Ivan Sergeevich

доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Чуклинова Юлия Николаевна
Chuklinova Julia Nikolaevna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343

СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ МЕРЫ БОРЬБЫ

SPECIAL CRIMINOLOGICAL MEASURES OF STRUGGLE

Аннотация: статья раскрывает специальные меры профилактики насильственных преступлений.

Annotation: The article reveals special measures for the prevention of violent crimes.

Ключевые слова: преступление, предупреждение, насилие, преступность.

Keywords: crime, prevention, violence, criminality.

Специально-криминологическая профилактика насильственных преступлений должна осуществляться в форме конкретных программ по снижению уровня насильственной преступности. В них должна предусматриваться система мероприятий, направленных на предупреждение конкретных видов и групп преступности и в целом всей преступности на определенной территории (страна, регион). Обеспечение предусмотренных программой мероприятий достигается во взаимодействии и взаимосогласованности работы различных субъектов профилактики, как связанных, так и не находящихся между собой в иерархических отношениях.

Чтобы успешно бороться с проявлениями общественно опасной агрессии, необходимо усовершенствовать организационные основы предупредительной деятельности. Ее организационное обеспечение должно осуществляться не только по отдельным правоохранительным ведомствам, как это делается сейчас, но и по кардинальным проблемам предупреждения насильственной преступности и иного опасного насилия, например, по профилактике насилия в семье, закрытых сообществах, в том числе при исполнении уголовных наказаний, связанных с лишением свободы, и т.д. В этих целях для каждой проблемы необходимо создать программу, включающую необходимые ресурсные расчеты, а также подготовку специалистов.

Необходимо разработать социальные программы профилактики насилия, которые должны отвечать некоторым требованиям:

1. Любые социальные программы профилактики насилия в России должны строиться с учетом того, что насилие в первую очередь определяется очень высоким уровнем тревожности и неуверенности людей, их депрессивными психотравмирующими переживаниями как реакцией на те изменения в жизни, которые субъективно воспринимаются в качестве весьма неблагоприятных. Насилие выступает средством защиты и самоутверждения, поэтому общество должно предлагать потенциальным преступникам иные средства в достаточном объеме и разнообразии.

2. Первоочередной задачей представляется оказание комплексной помощи, в том числе при проведении инспекторских проверок, регионам, где наблюдается наихудшая ситуация с преступным насилием.

Это предполагает создание специальных программ социальной и материальной поддержки, применение воспитательно-педагогических, психологических, организационных, правоохранительных и иных мер.

3. К уже имеющимся социальным программам борьбы с отдельными видами преступности (например, с наркотизмом и наркоманией) добавить прежде всего социальные программы по предупреждению насилия в семье, в школе, среди несовершеннолетних.

4. Необходима общегосударственная государственная программа борьбы с насилием в

обществе. Ее субъектами должны быть все органы законодательной и исполнительной власти, общественные и религиозные организации, средства массовой информации и др.

5. Желательно создать постоянно действующие проекты и планы выступлений (передач, публикаций) в средствах массовой информации, посвященных проблемам насилия и его предупреждения.

В профилактике насильственной преступности следует отвести важную роль деятельности государства по предупреждению этнорелигиозных конфликтов и связанных с ними террористических проявлений. Необходима более жесткая борьба с незаконным оборотом оружия, который связан как с терроризмом, так и с организованной преступностью. Вообще, чем успешнее бороться с последней, тем легче будет противостоять насилию, поскольку преступные организации часто прибегают к нему для решения своих проблем, в том числе для расправы с конкурентами и «предателями». Кроме того, некоторые члены преступных сообществ используют насилие ради насилия, ради причинения страдания, реализуя тем самым свои садистские наклонности [2, С. 27].

В системе специальных мер борьбы с насильственными преступлениями выделяются меры общей, групповой и индивидуальной профилактики.

Исходя из деления специальных мер общепрофилактического характера на организационные (связанные с организацией учредительной деятельности) и функциональные (по ее непосредственному осуществлению), к числу первых следует отнести изучение и анализ информации об уровне, структуре и динамике насильственной преступности в регионе (оценка состояния тенденций этих преступлений с учетом латентности, криминогенных и антикриминогенных факторов, прогнозирования развития криминологической ситуации, оценка эффективности осуществляемых профилактических мероприятий и пр.), криминологическое планирование, профилактическую отработку отделы территорий и объектов и т. д.

К функциональным относятся меры по осуществлению профилактического контроля и воздействия в соответствующей микросреде: систематическое обследование мест, где наиболее часто совершаются преступления против личности и общественного порядка (скверы, строящиеся здания, подвалы, чердаки, заброшенные строения, рюмочные, закусочные и пр.); обеспечение дислокации полицейских служб с учетом места и времени совершения большинства рассматриваемых деяний; проведение специальных профилактических рейдов, проверок, отдельных комплексных операций; осуществление мероприятий, направленных на своевременное выявление и изъятие незаконно хранимого оружия, пресечение фактов его противоправного изготовления в производственных условиях; обеспечение профилактической деятельности других государственных органов и общественных организаций и поддержание с ними постоянного взаимодействия; правовое воспитание граждан и т. д.

Очень важной представляется проблема своевременного и полного выявления и раскрытия этих преступлений. Она тесно связана с последовательным осуществлением мероприятий по снижению их латентности.

В этой связи значим эффективный прокурорский надзор за исполнением требований закона о своевременной и полной регистрации заявлений и сообщений о насильственных преступлениях, своевременном и обоснованном их разрешении; введение новой системы оценок деятельности полиции.

Библиографический список:

1. Антонян Ю.М. Преступность и психические аномалии. - М.: БЕК, 1999. -232с.
2. Кузьмина Н.В. Детерминация и система профилактики насильственной этнической преступности в современный период //Уголовное судопроизводство. 2010. №2. – С. 27.
3. Вожжов А.В. Основные меры предупреждения рецидива насильственных преступлений // Российский следователь. 2019. №17. – С. 32.

Аксенов Артем Сергеевич
Aksenov Artyom Sergeevich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

THE SUBJECTIVE SIDE OF HUMAN TRAFFICKING

Аннотация: В настоящей статье раскрываются признаки субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ.

Annotation: This article reveals the signs of the subjective side of the crime provided for in Article 127.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: преступление, вина, цель, мотив, торговля людьми.

Keywords: crime, guilt, purpose, motive, human trafficking

Субъективная сторона любого преступления, в том числе и торговля людьми раскрывается через правовые категории вины, мотива и цели, которые должны выступать во взаимосвязи, несмотря на то, что являются психологическими, независимыми по содержанию, не включенными друг в друга [1, С.164].

Основным и обязательным признаком субъективной части любого преступления является вина, которая в силу установлений статьи 5 УК РФ должна быть установлена. Под виной понимается как внутренняя субъективная сторона любого преступного деяния.

Иными словами, это психическое отношение субъекта к общественно опасному акту, который им совершен и его последствиям, получившим выражение в преступлении. Сознание и воля выступают элементами вины в совокупности, формирующие её содержание.

Она характеризуется совокупностью интеллектуальных и волевых элементов. Законодатель отграничивает формы вины по содержанию интеллектуального и добровольного момента и их комбинации: умысел (прямой, косвенный) и неосторожность (легкомыслие, небрежность).

Преступление, указанное в части 1 статьи 127.1 УК РФ по своей сути сконструировано как преступление с формальным составом. Исходя из этого его субъективная, сторона характеризуется виной в форме прямого умысла. Интеллектуальный момент умысла заключается в осознании субъектом социально опасного характера преступного действия им совершаемого, а волевой – желанием совершить его.

Виновное понимание опасности торговли людьми подразумевает реальное осознание виновным субъектом природы и социальной значимости тех социальных отношениях, на которые он посягает которые оно подрывает, а также характеризуется осмыслением содержания своих действий и реальных его последствий и обстоятельств торговли людьми: время, место, метод, средства, орудия. По моменту появления, умысел принято подразделять на возникший заранее и возникший внезапно.

По мнению В.П. Ревина, типы умысла важны при решении вопроса о степени вины. Внезапно возникший умысел характеризуется тем, что в силу короткого промежутка времени между его появлением и реализацией практически невозможно запланировать и осуществить превентивные меры.

Мотив и цель в характеристике конструкции субъективной стороны выступают факультативными признаками и включаются в неё только в том случае, если они обязательны или являются альтернативными.

Мотив в аспекте научной психологии, это то, что определяет стремление человека к конкретно-определенной цели, а не к какой-либо.

В юридической литературе указывается, что мотивом торговли несовершеннолетними лицами является внутренне побуждение, вызывающие у виновного лица решение совершить преступное деяние (продажа, купля и другие сделки в отношении этой группы лиц) в форме завладения несовершеннолетними, передачи их заинтересованным лицам [2, С.546].

Отдельные авторы считают, что специфика мотива торговли несовершеннолетними состоит в корысти, в желании иметь детей или наоборот избавиться от материальных затрат на содержание ребенка. Также мотивам торговли детьми может быть месть, чувство сострадания. При этом необходимо понимать, что незаконная передача ребенка близким родственникам при наличии спора о его воспитании не является формой торговли людьми, так как необходимые элементы состава отсутствуют.

Исходя из сказанного, при том, что мотивы не являются обаятельными признаками субъективной стороны торговли людьми, в любом случае в процессе расследования они должны быть установлены, так как в последствии суд может принять их во внимание при постановлении приговора.

Мотив торговли людьми по преимуществу корыстный.

В силу законодательного установления в диспозиции статьи 127.1 УК РФ цель торговли людьми – эксплуатация человека, то соответственно в этом случае, цель выступает в качестве обязательного конструктивного признака субъективной стороны преступления и должна быть доказана.

При этом на практике возникают проблемы при определении понятия «использование занятия проституции другими людьми». В международном праве используется конструкция – эксплуатация проституции что означает изъятие дохода (материальный или иной) от проституции третьей стороной, то есть от систематического вступления женщин или мужчин в половые отношения (внебрачные) за плату. Следует отметить, что ни наука уголовного права, ни законодательная практика не сходятся в определении форм сексуальной эксплуатации. Сексуальная эксплуатация включает в себя эксплуатацию проституции, но может быть и не связана с ней.

Чаще всего к формам сексуальной эксплуатации относят вовлечение в проституцию, а также принуждение к проституции, порнографию детей, торговли людьми с целью участия в сексуальной эксплуатации, эксплуатацию во время деловых и туристических поездок, а в некоторых случаях ранний брак.

Из-за полного отсутствия определения, случаи сексуальной эксплуатации трудно квалифицировать. Осложняет квалификацию и то, что это опасное преступное деяние имеет сложный многоэпизодический характер и в силу этого может быть квалифицировано по нескольким статьям УК РФ. Так при установлении факта вовлечения лица в проституцию или торговлю людьми с сексуальными целями, такие деяния могут быть квалифицированы по статье 127.1 как торговля людьми или по статье 240 УК РФ, как вовлечение в проституцию.

Указанные статьи расположены соответственно в главе семнадцатой «Преступления против свободы, чести и достоинства человека» и двадцать пятой «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» УК РФ. Несмотря на то что в уголовном законе содержится несколько статей относительно сексуальной эксплуатацией человека, уголовное преследование по преступлениям этого вида затруднительно прежде всего из-за высокой их латентности.

Даже в том случае, когда факт сексуальной эксплуатации человека в действительности имеет место, привлечение преступника к ответственности бывает затруднительно. Это обусловлено рядом причин, в частности пострадавшая сторона достаточно часто отказывается от возбуждения уголовного дела из-за угроз, давления или страха публичности, осуждения со стороны родственников и друзей; недостаточностью доказательств для обвинений подозреваемых; отсутствием у потерпевших знаний и сведений как действовать в такой ситуации.

В самом общем виде, сексуальную эксплуатацию человека можно определить, как злоупотребление или покушение на злоупотребления уязвимым положением потерпевшего (жертвы), властью или доверием в сексуальных целях, то есть извлечением выгоды принуждая другого человека предоставить сексуальные услуги или совершать другие сексуальные действия.

При этом уязвимое положение означает состояние физической, психологической, социальной или экономической незащищенности лица в результате стечения или преднамеренного создания виновным трудных жизненных обстоятельств или состояния материальной, или другой зависимости потерпевшего [3, С. 931].

Установление факта эксплуатации как следствие продажи человека для классификации деяния в соответствии со статьей 127.1 УК РФ не требуется, достаточным является установление цели эксплуатации.

Фактическая эксплуатация требует дополнительной оценки деяния согласно статье 127.2 УК РФ или другим статьям.

Указание в норме статьи конкретной цели торговли людьми требует соблюдения определенных правил квалификации, Прежде всего, цель должна характеризовать вину субъекта во время заключения сделки, а не появляться позже, а также преступная цель должна осознаваться и продавцом человека и его покупателем.

Библиографический список:

1. Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов /Под ред. В.В. Векленко. - М.: Юрайт, 2022. – С. 164.
2. Онхонова О. А. Торговля несовершеннолетними // Молодой ученый. 2018. №20. - С. 546.
3. Шаповалова Д.А., Медведев С.С. Международный и российский уголовно – правовой аспект торговли людьми //Science Time. 2018. №4 (28). - С. 930-933.
4. Абдушукурова, И.К., Самадов, Б.К. О мерах по борьбе против торговли людьми // Научный журнал. 2018. № 6 (7). - С. 140.

Клочкова Александра Леонидовна
Klochkova Alexandra Leonidovna

доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Аксенов Артем Сергеевич
Aksenov Artyom Sergeevich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТОРГОВЛЮ ЛЮДЬМИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
РАБСКОГО ТРУДА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

**CRIMINAL LIABILITY FOR HUMAN TRAFFICKING AND THE USE OF SLAVE LABOR IN
THE CRIMINAL LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES**

Аннотация: В настоящей статье рассматривается становление зарубежного законодательства за преступления против физической свободы: торговлю людьми и использование рабского труда

Annotation: This article examines the formation of foreign legislation for crimes against physical freedom: human trafficking and the use of slave labor

Ключевые слова: преступление, торговля людьми, использование рабского труда.

Keywords: crime, human trafficking, the use of slave labor.

Торговля людьми и использование рабского труда относятся к числу международных преступлений, в отношении которых развитые государства принимают законы, направленные на борьбу с этим явлением. Многие из указанных законов приняты гораздо раньше российских и имеется значительный опыт их применения, анализ которого, безусловно, представляет определенный интерес для России. В связи с изложенным возникает необходимость сравнительно-правового исследования положений отечественного Уголовного кодекса и уголовного законодательства различных зарубежных стран.

Серьезно к борьбе с торговлей людьми, рабством, сексуальной эксплуатацией подходит американский законодатель. Часть I Раздела 18 Свода законов США содержит ряд глав, в которых собраны нормы об ответственности за подобные преступления: Главу 77 (Рабство и трэффикинг); Главу 110 (сексуальная эксплуатация и другие злоупотребления в отношении детей); Главу 117 (Транспортировка для незаконной сексуальной деятельности и связанных с ней преступлений).

В стране действует ряд нормативных актов, направленных на борьбу с торговлей людьми. С 1910 года действует Закон о белом рабстве (Mann Act или White Slave Traffic Act). Документ направлен на борьбу с незаконным перемещением лиц с целью их последующего вовлечения в проституцию. В соответствии с положениями закона, ответственности подлежит каждый, кто намеренно перемещает другое лицо (изначально использовался термин «женщина или девушка», однако впоследствии характеристика пола была исключена из закона) через границу штата или государства с целью вовлечения в проституцию, иные развратные действия и правонарушения сексуального характера. Наказанию подлежат также лица, каким-либо образом склоняющие, принуждающие и вовлекающие других лиц в подобное перемещение. Согласие потерпевшего на проведение с ним указанных действий не смягчает вину правонарушителя.

Положения Mann Act легли в основу Главы 117, состоящей из следующих параграфов: 2421 (Общее определение транспортировки); 2422 (Принуждение и заманивание); 2423 (Криминальное перемещение несовершеннолетних); 2424 (Сообщение о персональных данных иностранного гражданина); 2425 (Использование международных средств связи для передачи информации о лицах, не достигших шестнадцатилетнего возраста); 2426 (Положения о лицах, совершивших преступления повторно); 2427 (О включении преступлений, имеющих отношение к детской порнографии, в понятие незаконной сексуальной деятельности) [1].

Подписание 28 октября 2000г. Сенатом Закона о защите жертв трэффикинга (Trafficking

Victims Protection Act 2000) стало ответом властей США на все возрастающую активность преступных организаций, занимающихся торговлей людьми.

Германия является страной назначения девушек и женщин, используемых в секс-индустрии. Международные преступные группы наладили поставку в страну сексуальных рабынь из стран Восточной Европы и бывшего СССР. Политика открытых границ ЕС, легализованная проституция в значительной степени способствуют торговле людьми на территории Германии.

Однако на законодательном уровне проблема торговли людьми в Германии практически не решена. В УК Германии содержатся статьи, посвящённые торговле людьми и использованию рабского труда, но они затрагивают лишь один аспект проблемы, а именно сексуальную эксплуатацию человека. Ответственность за торговлю людьми установлена в разделе 13 «Преступные деяния против полового самоопределения». Непосредственным объектом преступления в данном случае выступает половая свобода человека. Немецкий законодатель под актом торговли понимает не непосредственную куплю-продажу человека (либо иные сделки в отношении человека), а его склонение к «продаже» собственного тела и эксплуатацию проституции.

Согласно §180 «Торговля людьми» преступным считается воздействие ради имущественной выгоды на человека, чтобы, зная о стесненном положении, склонить его к занятию проституцией или к продолжению этого; а также использование его беспомощности, которая связана с пребыванием этого лица в чужой стране в целях совершения сексуальных действий в отношении третьих лиц [2, С. 147]. §181 «Тяжкий случай торговли людьми» содержит указание на квалифицирующие признаки торговли людьми (применение насилия, угроза его применения, хитрость; вывоз потерпевшего в чужую страну; вербовка в виде промысла).

Италия – одна из немногих стран Европы, имеющая комплексные правовые акты по проблеме торговли людьми и использованию рабского труда. Уголовный кодекс Италии в гл. 3 «О преступлениях против личной свободы» содержит целый блок статей, предусматривающих ответственность за торговлю людьми. Ст. 600 предусматривает ответственность за обращение в рабство или условия, аналогичные рабству. В ст. 600.1 установлено наказание за вовлечение и использование в проституции лица в возрасте младше восемнадцати лет.

Ст. 601 предусматривает уголовную ответственность за доставку рабов для торговли и торговлю ими. Часть 2 этой статьи устанавливает более суровое наказание за доставку для торговли и торговлю лицами младше восемнадцати лет с целью побуждения их к проституции.

Ст. 602 наказывает за отчуждение и приобретение рабов. Уголовную ответственность несёт любое лицо, которое передаёт, приобретает или содержит человека, находящегося в состоянии рабства или условиях, аналогичных рабству. Ст. 602.2 признаёт преступлением принуждение лица въезжать на территорию иностранного государства для занятия проституцией путём использования насилия, угроз или обмана.

Ст. 603 устанавливает уголовную ответственность за порабощение человека, то есть за поставление его в положение раба, способом, склоняющим его волю (насилие, угрозы или обман) [3].

В соответствии со ст. 201b УК Турции [4] преступниками признаются те лица, которые предоставляют, похищают, вывозят других лиц или перемещают их из одного места в другое с целью насильно заставить работать или оказывать услуги, содержат их в рабстве или подвергают подобному обращению, угрожают, вынуждают, используют силу или принуждение, чтобы убедить их изъять у них жизненные органы, используют для этого неподобающее влияние, получение согласия данных лиц обманом или пользуясь состоянием отчаяния этих лиц.

Следует отметить, что ст. 201b сформулирована достаточно сложно, и предъявить обвинение тем, кто не занимается непосредственным ввозом, а перепродаёт жертву или приобретает её, невозможно. Вдобавок, из статьи исключено укрывательство. Вместе с тем, использование любых форм принуждения связывается только с торговлей в целях изъятия органов. В случае, если акт торговли никак не сопряжён с трансплантацией, для уголовного преследования не имеет значение согласие жертвы и применение к ней любых способов воздействия.

Ст. 240 УК КНР признаёт преступлением совершаемое с целью продажи любое из действий, связанных с похищением путём обмана, захвата, покупкой, продажей, передачей человека и посредничество при этом. Статья имеет 8 квалифицирующих признаков, среди которых принуждение похищенной угрозами или уговорами к проституции или продажа третьему лицу, принуждающему её к проституции, захват с целью продажи путём угроз, насилия или

одурманивающих (наркотических) веществ, а также продажа за границу [5]. Ст. 241 запрещает покупку женщины или ребенка, похищенных в целях продажи.

В целом можно охарактеризовать нормы китайского уголовного права как весьма специфичные, обусловленные внутренней ситуацией с торговлей гражданами страны, однако, не полностью охватывающие весь спектр проблем, касающихся торговли.

Прежде всего, нужно отметить, что китайский уголовный закон знает только принудительную торговлю. Формулировка соответствующих норм свидетельствует о том, что жертва может быть вовлечена в торговлю лишь посредством силы, принуждения или обмана. Добровольное согласие жертв на любом этапе исключает уголовную ответственность для торговцев. Больше того, из понятия торговли исключены вербовка и укрывательство.

Подводя итог, необходимо отметить, что в законодательстве отдельных государств (ФРГ, Франция) под торговлей людьми понимается лишь вовлечение в проституцию и её эксплуатация третьими лицами, что представляет собой лишь один аспект торговли людьми.

Библиографический список:

1. Положение Mann Act 1910 (White Slave Act) //Cornell University Law School. - URL: <http://www.law.cornell.edu/>
2. Уголовное право зарубежных стран. Особенная часть: Учебник для вузов /Отв. ред. Н.Е. Крылова. - Москва: Издательство Юрайт, 2023. – С. 147.
3. Уголовный кодекс Италии. - URL: <http://belpaese2000.narod.ru/Italia/ufficiale/penaind.htm/>
4. Уголовный кодекс Турецкой Республики. - URL: <http://constitutions.ru/archives/5851/>
5. Уголовный кодекс КНР. - URL: <http://legal-way.ru/other45.php/>

Аббасов Евгений Дмитриевич
Abbasov Yevgeniy Dmitriyevich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343

ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ.234 УК РФ

THE SUBJECT OF THE CRIME UNDER ARTICLE 234 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме определения предмета преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ.

Abstract: This article is devoted to the problem of determining the subject of a crime under Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: преступление, предмет преступления, состав преступления.

Key words: the crime, the subject of the crime, the composition of the crime.

Анализируя предмет преступления, следует отметить, что в уголовном законодательстве не раскрывается содержание сильнодействующих веществ, в связи с чем в учебной литературе неоднократно пытались дать их определение исходя из их способности при употреблении в определенных дозах либо незаконным путем причинить вред здоровью, ряд авторов придерживается схожих взглядов, согласно которым к сильнодействующим относилась вещества «оказывающие опасное для жизни и здоровья людей воздействие при их приеме в значительных дозах и при наличии медицинских противопоказаний для употребления» [1, С. 213].

Другие авторы считают, что под «сильнодействующими веществами понимают лекарственные средства, создающие менее сильный эффект чем наркотики, но их применение оказывает стимулирующее или депрессивное воздействие на центральную нервную систему, вызывая галлюцинации, нарушение моторных функций и состояние зависимости» [2, С. 43].

Дать точное определение ядовитым веществам практически невозможно, поскольку одно и то же вещество в разных ситуациях и при разных дозировках может быть ядом, безвредным или даже лечебным средством. Судебные медики называют ядовитыми те вещества, которые будучи введенными в организм человека в относительно небольшом количестве, вызывают расстройство здоровья или смерть.

В характеристике ядовитых веществ, практически все юристы единодушно отмечают их способность при воздействии на живой организм даже в небольших дозах вызывать смерть.

Почти все вещества из списка сильнодействующих являются лекарственными препаратами, которые в медицине отнесены к различным фармакологическим группам: нейролептики, транквилизаторы, снотворные, анестетики, симпатомиметики.

Перечень сильнодействующих веществ до конца 2007 г. утверждался независимым экспертным органом – Постоянным комитетом по контролю наркотиков при Министерстве здравоохранения Российской Федерации (далее – ПККН) и не имел правового статуса. Поэтому существовали различные варианты толкования данных списков, что приводило к неоднозначной интерпретации результатов проведенных физико-химических экспертных исследований. Добавляло проблем и отсутствие количественного определения крупного размера изъятых веществ.

Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2007 г. № 964 «Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации» [3] решило вопрос легитимности применения Списков. Необходимо отметить, что Списки не являются фиксированными и с момента принятия в 2007 г. неоднократно подвергались изменениям и дополнениям.

К предмету анализируемого преступления относятся инструменты и оборудование для изготовления или переработки сильнодействующих или ядовитых веществ, за незаконный оборот которых ст. 234 УК РФ также предусмотрена ответственность. Похожая норма содержится в ст. 228

УК РФ, которая устанавливает ответственность за нарушение правил оборота инструментов или оборудования для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, однако в данном случае порядок оборота инструментов или оборудования и перечень указанных предметов четко определен действующим законодательством.

Обратимся к аналогичным нормам в сфере обращения наркотических средств и психотропных веществ. Согласно п. 4 ст. 8 Закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» [4], перечень инструментов, оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств, психотропных веществ, устанавливает Правительство РФ. В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2021 г. № 2126, к такому оборудованию относятся пресс-инструменты, используемые с оборудованием для прессования таблеток и оборудование используемое для наполнения и запайки ампул [5].

Фактически то же оборудование может применяться и для изготовления и переработки сильнодействующих и ядовитых веществ. К нему также относятся различного рода приборы, аппараты, инструменты, установки, технологические комплексы, однако нахождения под специальным контролем в связи с его возможным использованием для изготовления или переработки сильнодействующих или ядовитых веществ указанного оборудования не предусмотрено.

Таким образом, предметом преступления для целей ст.234 УК РФ выступают сильнодействующие и ядовитые вещества, а также оборудование для их изготовления и переработки.

Проведя анализ подходов к определению сильнодействующих и ядовитых веществ, мы присоединяемся к мнению Ермакова М.Г., который полагает, что сильнодействующие вещества – это объекты синтетического или природного происхождения, способные причинить существенный вред здоровью человека при несанкционированном применении или злоупотреблении, включенные в Список сильнодействующих веществ, для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации. Ядовитые вещества – объекты синтетического или природного происхождения, обладающие высокой токсичностью, при попадании в организм человека в малых дозах или концентрациях, приводящих к тяжелому отравлению или смерти, включенные в Список сильнодействующих веществ, для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации [6, С. 11].

Не являются предметом рассматриваемых преступлений не находящиеся под специальным контролем государства вещества, инструменты и оборудование, используемое для их изготовления, а также поддельные рецепты или документы, дающие право на получение сильнодействующих и ядовитых веществ, и другие орудия и средства совершения исследуемых преступлений.

Предмет преступления следует отличать от орудий и средств совершения преступления, то есть от того, чем лицо воздействует на объект преступления. Рассматриваемые нами вещества, которые являются предметом преступлений, предусмотренных в УК РФ, могут быть также и средством совершения других деяний (использование передозировки при совершении убийства, причинения тяжкого вреда здоровью или доведения потерпевшего до беспомощного состояния с последующим изнасилованием).

Следует отметить, что предметом рассматриваемых в работе преступлений не являются наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги. Кроме того, не является предметом преступления для целей ст.234 УК РФ метиловый спирт (метанол), включенный в список ядовитых веществ, незаконные действия с которым совершаются под видом алкогольной продукции, так как эти деяния охватываются диспозицией ст.234.2 УК РФ.

Библиографический список:

1. Курс Советского уголовного права. Т.5. Л., 1981. С. 213-214.
2. Щиголев Ю. Подлог рецептов на наркотические средства. //Российская юстиция, 1999. №4. С.43.
3. Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2007 г. № 964 «Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 16.01.2008 №6.

4. Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 8 января 1998г. №3-ФЗ (в актуальной редакции) //Российская газета. 1998. 15 января.

5. Постановление Правительства РФ от 30 ноября 2021 г. №2126 «Об утверждении перечня инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств, психотропных веществ, правил разработки, производства, изготовления, хранения, перевозки, пересылки, отпуска, реализации, распределения, приобретения, использования, ввоза на территорию российской федерации, вывоза с территории российской федерации, уничтожения инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств, психотропных веществ, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ от 6 декабря 2021. №49. Ст.8312.

6. Ермаков М.Г. Уголовно-правовая характеристика незаконного оборота сильнодействующих и ядовитых веществ. Автореф. дис. на соиск. степени канд. юрид. наук. Омск, 2014. С.11.

Чуклинова Юлия Николаевна
Chuklinova Julia Nikolaevna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343

ПРИЧИНЫ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

THE CAUSES OF VIOLENT CRIME

Аннотация: статья раскрывает основные причины насильственной преступности.

Annotation: The article reveals the main causes of violent crime.

Ключевые слова: причины преступности, насилие, преступность.

Keywords: the causes of crime, violence, crime.

Причины насильственных преступлений составляют часть проблем причин преступности в целом. Но вместе с тем необходимо отметить, что именно они достаточно специфичны.

Прежде всего, причины насильственной преступности связаны с высоким уровнем тревожности в российском обществе, причем не только в малообеспеченных, но и в иных слоях общества. Высокая тревожность определяла и определяет необходимость защиты от грозящей опасности, причем лучше, чтобы защитные действия были упреждающими. Конечно, во многих случаях опасность носит не реальный, а вымышленный характер, но и это обстоятельство свидетельствует о том, что люди в действительности переживают угрозу насилия над ними. К этому следует добавить, что насилие является традиционным способом разрешения проблем в российском обществе, история которого перенасыщена насилием.

Люди как бы привыкли к насилию, оно стало привычным и понятным. В этом их убеждают и средства массовой информации, особенно телевидение, с экранов которого практически не сходит агрессия и жестокость. Поэтому реакция людей на бытовое насилие, если оно не касается их лично, обычно нейтральна и не содержит безусловного и строгого осуждения. Высокий уровень терроризма в современной России, оказывая влияние на нравы и нравственность, создает особую атмосферу, особое общественное настроение, благоприятствующее применению насилия.

Достаточную распространенность среди отдельных групп населения получили представления о допустимости насилия для решения различных жизненных задач. Этому, разумеется, способствовало и влияние преступной идеологии и морали, а также агрессивные действия преступных организаций, о которых становится известно благодаря средствам массовой информации. Отчасти поэтому люди чувствуют себя незащищенными и готовы к использованию разных насильственных способов защиты и обеспечения своих интересов. Кроме того, важное криминогенное значение имеет недостаточное и неэффективное реагирование правоохранительных органов на факты насилия, особенно в бытовой среде и в отношении преступных сообществ. Как показывают выборочные исследования, население убеждено, что правоохранительные органы покровительствуют организованным преступникам, находятся у них на содержании и покрывают совершенные ими опасные насильственные действия.

В нашем обществе всегда присутствовали слои и группы населения, в которых процветали насилие, грубость и произвол. Это, по существу, люмпенизированная часть населения, которая активно поставляет правонарушителей обоего пола, ее представители рано начинают употреблять спиртные напитки, курить и вступать в сексуальные связи. Это часть общества отличается наиболее низким уровнем культуры и образования и не видит в грубости и хамстве ничего особенного, поскольку это ее обыденная жизнь. Думается, эти слои населения образуют тот самый, фундамент, на котором строится огромное здание насильственных правонарушений.

Как показывают криминологические исследования, такие негативные факторы, как пьянство, сквернословие, враждебные отношения между родителями и другими членами семьи, драки и скандалы, грубость и жестокость, царящие в семье, способствуют формированию устойчивой системы антиобщественных взглядов и склонностей. Дефекты семейного воспитания не всегда устраняются в школе и во многих случаях усугубляются вредными влияниями в непосредственном

бытовом окружении, в первую очередь со стороны ранее судимых, а также лиц, ведущих аморальный образ жизни, допускающих хулиганские действия, проявляющих циничное, неуважительное отношение к женщине [1, С.96].

Далеко не у всех людей, особенно молодых, имеются ясные представления о пределах и формах ответственности за противоправные действия, что во многих случаях предопределяет их выбор насильственного способа реализации возникших потребностей. Грубость и насилие по отношению, например, к членам семьи в сознании многих виновных воспринимается как привычная, «естественная» линия поведения.

Несомненным криминогенным фактором является незаконный оборот оружия и сравнительно легкий доступ к нему, в том числе тех, кому ни в коем случае его нельзя доверять. Понятно, что незаконный оборот оружия связан с активностью организованной преступности. В последние годы количество особо тяжких преступлений с применением оружия несколько снизилось, но в целом их уровень остается высоким [2, С. 23].

Из приведенных выше данных следует, что преступное насилие в большей степени, чем раньше, утвердилось в качестве способа добывания материальных благ. Об этом говорит увеличение числа таких корыстно-насильственных деяний, как грабежи, разбои и вымогательства, а также убийства. Следовательно, можно констатировать, что невысокий уровень материального обеспечения отдельных слоев населения является существенным криминогенным фактором. Он заслуживает особого внимания, поскольку распространенность преступного насилия для получения материальных благ свидетельствует о серьезном неблагополучии в обществе.

Психические расстройства относятся к числу несомненных криминогенных факторов. Однако лица с такими расстройствами слабо выявляются среди тех, кто может решиться на насильственные действия, а в местах лишения свободы названный патопсихологический фактор явно недостаточно учитывается в процессе индивидуальной работы с преступниками.

Наибольшее количество насильственных преступлений совершается в сфере быта и семьи. Причем большинству из них обычно предшествуют длительные конфликты, чаще всего между супругами. Эти конфликты протекают на глазах очевидцев, которые пытаются их как-то разрешить, однако, как правило, их усилия остаются безуспешными. Причина заключается в том, что выявление и разрешение внутрисемейных конфликтов производятся лицами, не имеющими специальной психологической подготовки и руководствующимися жизненным опытом и, конечно же, благими намерениями, чего, к сожалению, совсем недостаточно. Следовательно, необходима особая система выявления и профилактики семейно-бытовых конфликтов, на почве которых совершаются опасные преступления.

Причиной семейного насилия часто является ревность, например, когда агрессия становится средством утверждения и самоутверждения, протеста против своего положения в семье. В отношениях с женой действия убийцы могут быть реакцией на ее попытки (часто непреднамеренные и бессознательные) продемонстрировать его сексуальную, эротическую несостоятельность и тем самым снизить его самооценку. Это одна из форм сексуального отвергания, но ее не следует понимать узко, лишь как отказ от половой близости. Уход, например, любимой жены – тоже проявление такого отвергания и может означать полную катастрофу для мужа в его социально-психологических связях с окружающим миром, крушение всех жизненных планов. Переживания еще более болезненны, если жена предпочла другого мужчину [3, С. 77].

Причины объективного характера лишь во взаимодействии с комплексом причин субъективной направленности в состоянии влиять на личность в полной мере.

Данные причины, как представляется, в зависимости от свойств личности можно подразделить на следующие группы: психологические свойства; нравственные свойства; физиологические свойства.

Все они являются неразрывными звеньями одной цепи, но каждая из этих причин несет в себе черты индивидуальности. Тем не менее очень часто они переплетаются, взаимозаменяются, сливаются, и поэтому следует, придерживаясь данного деления, допускать некоторые пограничные состояния. Причины психологического свойства можно назвать еще мотивирующей установкой, которая действует на человека как бы изнутри.

Отечественные исследователи высказали предположение о том, что за внешне схожими противоправными действиями психопатических личностей и психически здоровых лиц могут лежать совершенно различные механизмы мотивообразования [4, С. 143].

В основе формирования личности насильственного преступника лежат психологические закономерности, сходные с закономерностями обычного (среднестатистического) психического развития. Психическая деятельность преступника изменяется не потому, что при психических заболеваниях начинают действовать какие-то специфические механизмы, а потому, что те же механизмы действуют в особых, вызванных и измененных крайне неблагоприятных социальных условиях.

Практически у всех насильственных преступников наличествуют нарушения интеллектуальной сферы, что не может не сказаться на особенности принятия решений. В первую очередь затрудняется способность к рациональному познанию, мышление приобретает черты ригидности, уменьшаются критические способности, любая новая ситуация сопровождается дезадаптацией индивида. Эмоционально-волевая сфера также отличается выраженными искажениями. Имеют место так называемые нарушения эмоционального реагирования.

Таким образом, у насильственных преступников имеет место:

- 1) искажение содержания ведущего (конструктивного, созидającego и т.д.) мотива деятельности при формировании выраженной асоциальной (в том числе и насильственной) мотивации;
- 2) замена социальных мотивов содержанием более низкого, «примитивного» порядка;
- 3) снижение уровня опосредованности деятельности (целевая структура личности упрощается, обедняется и т. д.);
- 4) сужение интересов, ограничение социальных контактов, формирование выраженного эгоцентризма;
- 5) нарушение критичности, самоконтроля.

До настоящего времени наука не выработала однозначного мнения о влиянии физиологических факторов в качестве причинного комплекса на совершение преступлений.

К числу наиболее важных условий, способствующих насильственной преступности, следует отнести пьянство. Систематическое употребление спиртных напитков способствует ослаблению или потере самоконтроля, проявлению жестокости, грубости, вспыльчивости и агрессивности. Опьянение резко обостряет и другие отрицательные качества характера, вызывает чувство мести, ревности, алчность, корыстолюбие. Вот почему алкоголизм, алкогольное опьянение и вызванные ими изменения в психике являются в большинстве случаев фактором, непосредственно влияющим на совершение насилия над личностью и хулиганских поступков. Не случайно подавляющее большинство насильственных преступников либо до совершения преступления постоянно употребляли спиртные напитки, либо в момент совершения преступления находились в нетрезвом состоянии. Убийства или тяжкие увечья, нанесенные из хулиганских побуждений, в ссорах и драках, являются наиболее типичными примерами существенного влияния пьянства на совершение подобных преступлений. Особенно пагубное воздействие оказывает алкоголизм на молодых людей, для которых в силу их возрастных особенностей характерны неумение правильно оценивать жизненные события, повышенная эмоциональная возбудимость, недостаточные навыки социального торможения и в то же время стремление показать себя, продемонстрировать храбрость. Совокупность этих обстоятельств нередко является причиной совершения насильственных преступлений.

Совершению насильственных преступлений, в первую очередь убийств, причинению тяжкого вреда здоровью, изнасилванию и хулиганства, способствует и безразличное отношение окружающих к фактам общественно опасного поведения отдельных лиц, а также несвоевременное и недостаточное реагирование на такие факты со стороны органов внутренних дел, суда, прокуратуры, администрации и общественных организаций, предприятий и учреждений. Большинство убийств и нанесений тяжкого вреда здоровью во многом носит непредумышленный характер, возникает на почве бытовых неурядиц, неприязненных отношений в семье, а также под влиянием алкоголя. Совершению таких преступлений часто предшествуют обстоятельства, свидетельствующие о намерениях преступника: последние обычно выражаются в угрозах убийством, в преследовании жертвы, побоях, истязаниях и сопровождаются неоднократным учинением хулиганских действий [5, С.103].

Подобное поведение, естественно, становится известно широкому кругу людей – соседям, сослуживцам, общественным организациям по месту жительства или месту работы хулигана и дебошира, работникам полиции и прокуратуры. Между тем отдельные сотрудники органов

внутренних дел и прокуратуры вместо того, чтобы привлечь к уголовной ответственности лицо, которое угрожает убийством или учиняет дерзкие хулиганские действия, нередко всего лишь рекомендуют потерпевшему обратиться в порядке частного обвинения в суд. Чувствуя безнаказанность, указанные лица совершают тяжкие насильственные преступления. Непринятие мер по нейтрализации причин и условий совершения преступлений, отсутствие должного контроля за лицами, склонными к антиобщественной деятельности, недостатки в ходе ведения следствия и тому подобные факторы выступают в качестве обстоятельств, способствующих совершению преступлений, обусловленных несовершенством работы органов внутренних дел.

Итак, основными криминогенными детерминантами насильственной преступности являются: ориентация личности на достижение жизненно важной цели любыми, ничем не сдерживаемыми средствами; ожесточенная конкурентная борьба в экономической и политической областях жизнедеятельности; неблагоприятные социальные условия; повышенное состояние тревожности; представление о достижении результата насильственным способом, допустимости агрессивного поведения; интенсивная алкоголизация и наркотизация населения; безразличие правоохранительных органов и общественных организаций к антиобщественным поступкам в сфере быта или досуга; виктимное поведение потерпевших.

Библиографический список:

1. Антонян Ю.М., Горшков И.В., Зулкаренаев Р.М., Сапрунов А.Г. Насилие в семье. – М.: Издательство МВД РФ, 2000. – С. 96.
2. Корецкий Д.А., Пособина Т.А. Современный бандитизм: Криминологическая характеристика и меры предупреждения. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 23.
3. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. – М.: Гардарика, Смысл, 2003. – С. 77.
4. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: Учебное пособие. – М.: Норма: ИНФРАМ, 2017. – С. 143.
5. Скифский И.С. Социальные факторы насильственной преступности в России // Российский юридический журнал. 2011. №6. – С. 103-104.

Улезько Сергей Иванович
Ulezko Sergey Ivanovich

Заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Грачев Сергей Александрович
Grachev Sergey Alexandrovich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 34

КРАЖА В СОБОРНОМ УЛОЖЕНИИ 1649 Г

THEFT IN THE COUNCIL CODE OF 1649

Аннотация: Данная статья посвящена анализу состава кражи в Соборном уложении 1649 г.

Abstract: This article is devoted to the analysis of the elements of theft in the Council Code of 1649.

Ключевые слова: кража, уложение, хищение, разбой.

Key words: theft, murder, theft, robbery.

Кража как институт уголовного права известна с давних времен со времен Русской правды [1, С 53]. Качественно новый этап развития российского уголовного права связывается с Соборным уложением 1649 г. [2, С. 244], которое представляло объемный, систематизированный, охватывающий множество вопросов нормативный документ. По существу, это универсальный гражданско-уголовный кодекс. Значение Соборного уложения многократно усиливается тем, что оно принималось на земском соборе, с участием достаточно широких кругов тогдашней российской общественности. Многие нормы Уложения прошли испытание временем и применялись даже в начале XIX в. Соборное уложение резко отличается от предшествующих судебников своим объемом – в 25 главах содержатся 967 статей. По сути дела, Уложение было первым нормативным актом, размноженным печатным способом.

Соборное уложение 1649 года к имущественным относил следующие преступления: татьбу простую и квалифицированную (церковную, на службе, конокрадство, совершенную в государевом дворе, кражу овощей из огорода и рыбы из садка), разбой (в виде промысла), грабеж обыкновенный или квалифицированный (совершенный - «служилыми» людьми или детьми в отношении родителей), мошенничество (как хищение, связанное с обманом, но без насилия), насильственное завладение чужим имуществом (землей, животными) и др.[3, С. 187] Выделяется глава, где регулируются состав кражи и ответственность за ее совершение. В главе XXI «О разбойных и татиных делах» [4, С. 276] в 104 статьях сформулированы составы деяний против личности (посягательства на жизнь и здоровье) и имущества, некоторые вопросы процессуального и управленческого характера (в частности, предписывалось «разбойные, убийственные и татины дела ведать в Разбойном приказе»), а также уголовно-исполнительного характера. Содержание уголовно-правовых норм данной главы напоминает уголовно-правовые аспекты Русской Правды, однако Уложение разрабатывает эти вопросы гораздо глубже и шире.

Интересно, что хищение имущества во время стихийных бедствий рассматривалось как грабеж (ст. 91). Кроме того, правомерным считалось убийство вора не только в момент совершения кражи, но и во время погони за ним или при его задержании (ст. 88). Устанавливалась ответственность за попустительство, недоносительство и укрывательство разбойников и татей (ст.ст. 59 – 65, 77 – 81). Следует заметить, что государство весьма жестко и решительно относится к разбоям и кражам – преступник не получает никакой пощады, причем это касается и расследования дел, где предусматривается активное использование пыток.

Так, согласно ст. 9 «...а приведут татя, а доведут на него татьбу, и того татя пытать и в иных татьбах и в убийстве, да будет с пытки в иных татьбах и в убийстве не повинится, а скажет, что он крал впервые, а убийства не учинил, и того татя за первую татьбу бить кнутом, и отрезать ему левое ухо, и посадить его в тюрьму на два года, а животы его отдать исцом в выть, и ис тюрьмы выимая его,

посылать в кайдалах работать на всякие изделия, где государь укажет. А как он два года в тюрьме отсидит, и его послать в украинные города, где государь укажет, и велеть ему в украинных городех быть, в какой он чин пригодится, и дать ему письмо за дьячье» [5, С. 285].

Еще более суровое наказание ждало «татя» при второй краже. При третьей краже полагалась смертная казнь. При первом разбое преступника ждало также комплексное наказание: пытка, отрезание правого уха, тюремное заключение на 3 года, ссылка в «кайдалах», конфискация имущества. Второй разбой карался смертной казнью. Предусматривается также ответственность за укрывательство «лихих людей», ложное обвинение в разбое, сокрытие «обыскными людьми» факта наличия в селе разбойников, самосуд.

Отметим, что в Соборном Уложении 1649 года также отсутствует понятие хищения, упоминание о самом этом термине, но наряду с уже имеющимся разбоем, кражей и грабежом, появляется и мошенничество как хищение, совершенное путем обмана, но без насилия.

Библиографический список:

1. Улезько С.И. Особенности субъективных признаков кражи // Экономика, финансы и право: тенденции и перспективы развития. Материалы XVI международной научно-практической конференции молодых, студентов, аспирантов, преподавателей вузов Российской Федерации и Украины, 23 ноября 2018г. - Гуково: Изд-во ООО «Азов-Принт», 2018г. – С. 53.
2. Чистяков О.И. Указ. соч. - С. 243-246.
3. Развитие русского права в XV - первой половине XVII в. /Отв. ред. Нерсисянц В.С. - М.: Наука, 1986. - С. 187.
4. Чистяков О.И. Указ. соч. - С. 276-289.
5. Чистяков О.И. Указ. соч. - С. 285.

Улезько Сергей Иванович
Ulezko Sergey Ivanovich

Заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Грачев Сергей Александрович
Grachev Sergey Alexandrovich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 34

ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КРАЖУ

PROBLEMS OF PERIODIZATION OF THE RUSSIAN LEGISLATION ON LIABILITY FOR THEFT

Аннотация: Данная статья посвящена проблемам периодизации российского законодательства об ответственности за кражу.

Abstract: This article is devoted to the problems of periodization of Russian legislation on liability for theft.

Ключевые слова: кража, этап, период, имущество.

Keywords: theft, stage, period, property.

Законодательство России на различных этапах своей многовековой истории содержало довольно большое количество норм, предусматривающих ответственность за хищение чужого имущества [1, С. 53]. Уголовно-правовая наука бывшего Советского Союза и его республик в основном проводила изучение только советского этапа развития законодательства о хищении, о преступлениях против собственности. При этом следует отметить, что в действительности оставалась неисследованной довольно огромная правовая часть многовековой российской досоветской истории регламентации уголовной ответственности за преступления против собственности, а именно за кражу. Нет необходимости, например, доказывать, что такое преступление как кража, являющаяся самым распространенным способом хищения, зародилась в обществе практически с самого его основания.

История становления российского законодательства об ответственности за кражу может быть разделена на три периода:

- 1) российское уголовное законодательство досоветского периода (до октября 1917 года);
- 2) российское уголовное законодательство советского периода (с октября 1917 года до введения в действие кодекса 1996 года);
- 3) российское уголовное законодательство постсоветского периода (с момента введения в действие кодекса 1996 года по настоящее время).

Данная периодизация конечно весьма условна и небесспорна, но, по нашему мнению, она учитывает важнейшие этапы развития Российского государства. В свою очередь, в истории российского уголовного законодательства досоветского периода М.Ф. Владимирский-Буданов различал три периода: уголовное право Русской Правды, уголовное право Московского государства и уголовное право Империи [2, С. 306].

Однако, еще в договоре Руси и Византии 911 г. (ст. 6) при конструировании состава кражи содержится ссылка на «закон русский» о том, что вор должен не только возратить украденную вещь, но и уплатить ее стоимость (сверх того), и вор будет наказан по закону русскому и греческому [3, С. 309].

Договором 911 г. предусматривалась также защита собственности путем установления уголовно-правовой ответственности за хищение чужого имущества. В частности, за кражу наказание состояло в уплате штрафа в размере тройной стоимости украденной вещи. В соответствии со ст. 7 договора устанавливалась ответственность за насильственное присвоение чужой вещи (разбой и

грабеж). Виновного и здесь ждало наказание в виде штрафа, равного тройной стоимости похищенной вещи. В договоре 944 г. нормы имеют более совершенный вид. Здесь также отрегулирован достаточно широкий круг вопросов взаимоотношений двух государств, причем акцент сделан на защите собственности.

Библиографический список:

1. Улезько С.И. Особенности субъективных признаков кражи // Экономика, финансы и право: тенденции и перспективы развития. Материалы XVI международной научно-практической конференции молодых, студентов, аспирантов, преподавателей вузов Российской Федерации и Украины, 23 ноября 2018г. - Гуково: Изд-во ООО «Азов-Принт», 2018г. – С. 53.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. - Ростов-на-Дону, 1995. - С. 306.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. - С. 308-310.

Льянова Аза Ахметовна
Lianova Aza Akhmetovna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ПРИЗНАКИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

SIGNS OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE CRIME

Аннотация: статья рассматривает элементы и признаки объективной стороны преступления четко отграничивая данные понятия.

Annotation: the article examines the elements and signs of the objective side of the crime clearly delineating these concepts.

Ключевые слова: преступление, признак, элемент, объективная сторона.

Keywords: crime, attribute, element, objective side.

Говоря о составе преступления, необходимо выделять его элементы и присущие ему признаки. Очень часто их отождествляют, но это разные понятия. Элементы, как бы расчлняя состав преступления, характеризуют его объективные и субъективные аспекты с четырёх позиций: объекта преступления, субъекта, объективной стороны, субъективной стороны. А признаки, в свою очередь, выступают характеристиками элементов состава. Они связаны с ними как свойства предметов с самими предметами.

Однако и будучи разграничены, они образуют монолитную систему с внутренними взаимосвязями, именуемую составом преступления. В составе преступления объединяются объективные и субъективные элементы, и это иногда приводит к тому, что признаки объективных элементов пытаются наделить самостоятельными субъективными свойствами.

Словом «признак» обычно обозначают свойство, черту, особенность предмета или явления, по которым можно его узнать, отличить от других. Развитие учения о признаках в теории познания, логике, дало возможность выделить ряд категорий признаков и особенностей их построения. Различают, например признаки полезные, устойчивые, существенные, достаточные, необходимые, специфические, отличительные, обобщенные, индивидуальные и ряд других[1, С.11].

Без признаков объективной стороны вопрос о субъективной стороне не возникает, т.к. последняя существует только в связи с первой. Таким образом, создается барьер для проникновения произвола и субъективизма в деятельность суда и прокурорско-следственных органов. Это служит серьезной гарантией соблюдения законности при отправлении правосудия по уголовным делам. Важность объективной стороны преступления для уголовной ответственности, о том, что именно этот элемент состава преступления является фундаментом всей конструкции состава преступления и уголовной ответственности, свидетельствует тот факт, что в диспозициях статей Особенной части УК РФ законодатель чаще всего указывает именно признаки объективной стороны преступления. Например, в уголовном законе всегда указываются признаки общественно опасного деяния, без них невозможна ни одна диспозиция какой-либо статьи Особенной части, часто указываются в уголовном законе и другие признаки объективной стороны[3, С.18]

Признаки обычно подразделяют на два типа: основные и факультативные. Основными являются те признаки, которые присущи всем составам преступления, а факультативные - лишь некоторым. Необходимо отметить, что у каждого элемента состава имеются свои основные и факультативные признаки, характеризующие его.

Обязательным для всех составов преступлений является общественно опасное деяние (действие или бездействие). Объективную сторону составляет общественно опасное и уголовно-противоправное деяние, которое совершается в определенное время и в конкретном месте определенным способом, а в ряде случаев при помощи конкретных орудий или средств либо в определенной обстановке, которая складывается в объективной действительности к моменту совершения преступления. Все эти признаки объективной стороны устанавливаются в процессе следствия и судебного разбирательства по каждому конкретному делу. Объективная сторона

преступления включает также общественно опасные последствия, которые наступили либо могли наступить в результате совершенного деяния.

В.Н. Кудрявцев пишет: «Объективная сторона преступления есть процесс общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы, рассматриваемый с его внешней стороны с точки зрения последовательного развития тех событий и явлений, которые начинаются с преступного действия (бездействия) субъекта и заканчиваются наступлением преступного результата»[2, С.176]

Из приведенного определения следует, что объективная сторона - это процесс, протекающий во времени и пространстве, а не статическое явление. И это действительно так. Признаки, определяющие внешнюю сторону поведения человека, составляют содержание объективной стороны преступления.

Библиографический список:

1. Векленко В.В., Бавсун М.В. Объективная сторона преступления: лекция. – Омск: Омская академия МВД России, 2008. – С. 11.
2. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. - М., 2000. - С. 176.
3. Моисеев Т.В. Обеспечение беспристрастности и объективности суде при рассмотрении уголовных дел //Журнал российского права. 2018. №6. – С. 18.

Улезько Сергей Иванович
Ulezko Sergey Ivanovich

Заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Хамхоева Аминат Исаевна
Khamkhoeva Aminat Isaevna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.352

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА В РОССИИ

CRIMINAL LAW PROTECTION OF THE INSTITUTION OF BANKRUPTCY IN RUSSIA

Аннотация: Данная статья посвящена введению, существованию и проблемам уголовной ответственности за криминальное банкротство.

Abstract: This article is devoted to the introduction, existence and problems of criminal liability for criminal bankruptcy.

Ключевые слова: банкротство, уголовная ответственность, административная ответственность.

Keywords: bankruptcy, criminal liability, administrative liability.

Потребность введения уголовной ответственности за криминальное банкротство в современной России стала очевидной в 90-е годы, когда гражданским законодательством был введен институт несостоятельности (банкротства). Уже в тот период в юридической литературе все чаще стали встречаться мнения о необходимости воздействия на отношения, связанные с несостоятельностью (банкротством), уголовно-правовыми средствами, путем включения в УК РФ норм, определяющих преступность и наказуемость исследуемых деяний [1, С. 191]. Такая необходимость была однозначно подтверждена результатами социологических исследований, проводимых в 1994 году: 68% респондентов - банковских работников; 100% респондентов - сотрудников правоохранительных органов, положительно высказались по поводу введения уголовной ответственности за деяния, связанные с банкротством (данные получены в результате анкетирования на базе ВНИИ МВД РФ) [2, С. 46]. Аналогичная позиция была выявлена и в ходе анкетирования юристов банков финансовых компаний (на базе Института актуального образования ЮрИнфор-МГУ).

Результатом стало, что в Уголовный Кодекс РФ 1996 г., в главу «Преступления в сфере экономической деятельности», были включены нормы об уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротство, которые в сравнении с УК РСФСР 1960 года, представляли собой новеллу, что несомненно, стало важным и значимым этапом в развитии отечественного правового института несостоятельности (банкротства).

В то же время, в качестве основного регулятора рассматриваемых отношений, по-прежнему, остается гражданское законодательство; нормы уголовного закона, предусматривающие ответственность за криминальное банкротство (ст. 195 УК РФ) носят бланкетный характер: диспозиции указанных норм не содержат легального толкования терминов, понятий и определений, что вынуждает правоприменителя, при рассмотрении вопроса об уголовной ответственности за указанные деяния, обращаться к положениям законодательства о несостоятельности (банкротстве) и ГК РФ, которые раскрывают необходимые понятия и признаки исследуемых явлений. В виду отмеченных особенностей правового регулирования, очевидной становится серьезная проблема, выражающаяся в противоречии содержания признаков составов криминальных банкротств и норм гражданского законодательства, регулирующие соответствующие отношения: разное понимание и толкование, отсутствие четких критериев, разграничивающих основания наступления гражданско-правовой и уголовной ответственности, сложности в определении момента возникновения уголовно-наказуемого банкротства. Причиной таких противоречий является достаточно быстрое и

стремительное развитие экономических отношений, усовершенствование способов осуществления хозяйственной деятельности субъектами предпринимательства, и как следствие, относительно частое изменение положений регулятивного законодательства.

Специфика, уголовно-правового законодательства проявляется в его стабильности и отсутствии возможности так быстро подвергаться изменениям, как регулируемые им отношения. Со времени принятия УК РФ 1996г., законодательство о банкротстве, уже ни один раз подверглось существенным изменениям: такая эволюция приводит к тому, что изменение содержания гражданско-правовых терминов, оборачиваются неоднозначным толкованием уголовно-правового запрета. Уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за криминальное банкротство (ст. 195 УК РФ), за период существования УК РФ 1996 г., хотя и в значительно меньшей степени, но также были подвержены ряду изменений. Характер таких изменений, связан с усилением ответственности за неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротство; сделаны попытки к более тщательной регламентации объективной стороны данных преступлений; а также установлен обязательный признак преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 195 УК РФ. В остальном, происходящие изменения связаны с корректировкой наказаний: прослеживается увеличение размера штрафа; увеличен срок ограничения свободы и лишения свободы; предусмотрен альтернативный вид наказания - принудительные работы. Следует особо отметить изменения, внесенные Федеральным законом от 29 декабря 2014 года № 476-ФЗ, в соответствии с которым объективная сторона уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за незаконное банкротство, была дополнена словами должника - юридического лица, гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя. Необходимость указанных изменений в статьях УК РФ была обусловлена изменением регулятивного законодательства - ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», который с 1 октября 2015 года регламентировал процедуру признания банкротом физического лица. Таким образом, нормы уголовного закона, предусматривающие ответственность за рассматриваемые в работе преступления, распространяются и в случае совершения указанных деяний при наличии признаков банкротства; введении процедуры, применяемой в деле о банкротстве - гражданина.

Отмеченные выше изменения, тем не менее, не устранили существующие противоречия, которые и в настоящий момент негативно сказываются на реализации исследуемых уголовно-правовых норм: несовершенство и несогласованность уголовного законодательства с законодательством о банкротстве создают сложность при отграничении гражданских правонарушений в сфере банкротства от преступлений, в результате чего имеет место необоснованное привлечение или, наоборот, освобождение лиц от уголовной ответственности, что не отвечает истинной роли правосудия в стране.

Эффективность уголовно-правовых мер, осложняется, помимо прочего, наличием законодательного закрепления административной ответственности за правонарушения в сфере банкротства (ст. 14.12 Преднамеренное или фиктивное банкротство; ст. 14.13 Неправомерные действия при банкротстве КоАП РФ). Главным и единственным критерием, разграничивающим правонарушение от преступления в указанной сфере, выступает размер причиненного деянием ущерба: в качестве основного признака составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 195-197 УК РФ, выступает крупный ущерб, размер которого превышает два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей. Анализируя данный вопрос, Б. Колб полагает, что административная ответственность за банкротство является иллюзией, подменой защиты от криминальных банкротств ее видимостью, а по сути - способом уклониться от уголовной ответственности [3, С. 34]. Такое заявление кажется довольно однозначным, а потому обращает на себя внимание позиция А.Н. Лемягова, который считает, что уголовную ответственность за банкротство необходимо всегда рассматривать как последнюю, вынужденную меру государственного воздействия, особенно в случаях, когда содеянное не дотягивает по уровню своей общественной опасности до уголовно-наказуемого деяния [4, С. 77].

В такой ситуации, именно административная ответственность является альтернативой, направленной на стабилизацию экономических отношений, возможная до применения крайней меры в виде уголовно-правовой ответственности.

Библиографический список:

1. Улезько А.Ю., Улезько Г.С., Улезько С.И. Уголовная ответственность арбитражного управляющего при неправомерных действиях при банкротстве: постановка проблемы\ Проблемы

экономики и юридической практики. 2017. № 5. - С.191-193.

2. Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб., 1999. – С.46.

3. Колб Б. Административная ответственность за банкротство // Законность. 2002. № 12. - С. 34.

4. Лемягов А.Н. Объективные признаки фиктивного банкротства // Российский следователь. 2008. № 22. - С. 77.

Улезько Сергей Иванович
Ulezko Sergey Ivanovich

Заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Хамхоева Аминат Исаевна
Khamkhoeva Aminat Isaevna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.352

ПЕРЕДАЧА ИМУЩЕСТВА ВО ВЛАДЕНИЕ ИНЫМ ЛИЦАМ, ЕГО ОТЧУЖДЕНИЕ И УНИЧТОЖЕНИЕ В КРИМИНАЛЬНЫХ БАНКРОТСТВАХ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

TRANSFER OF PROPERTY INTO THE POSSESSION OF OTHER PERSONS, ITS ALIENATION AND DESTRUCTION IN CRIMINAL BANKRUPTCIES: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Аннотация: Данная статья посвящена целесообразность криминализации таких деяний как передача имущества во владение иным лицам, его отчуждение и уничтожение в криминальных банкротствах.

Abstract: This article is devoted to the feasibility of criminalizing such acts as the transfer of property into the possession of other persons, its alienation and destruction in criminal bankruptcies.

Ключевые слова: банкротство, имущество, передача, отчуждение, уничтожение.

Key words: bankruptcy, property, transfer, alienation, destruction.

В юридической литературе критикуется и обсуждается целесообразность криминализации таких деяний как **передача** имущества во владение иным лицам, его отчуждение и уничтожение в криминальных банкротствах [1, С. 191]. Так, в отношении передачи имущества во владение иным лицам, одни авторы поддерживают законодателя, поскольку, по их мнению, утрата владения влечет неправомерное уменьшение конкурсной массы должника.

Например, приговором Серовского районного суда Свердловской области от 8 августа 2011 года директор ООО «Атлант» Е. был признан виновным в передаче во владение денежных средств организации путем заключения фиктивных договоров займа. Противоположная позиция, исходит из того, что сделки по передаче имущества во владение иным лицам, не причиняют существенного вреда охраняемым общественным отношениям, поскольку владение является лишь отдельным правомочием, которое в отличие от отчуждения, которое влечет прекращение права собственности на имущество, не приводит к уменьшению конкурсной массы должника.

Анализируя данный вопрос, следует иметь в виду, что распространённой на практике является ситуация, когда собственник имущества извлекает доход от его использования: в частности, когда какой-либо актив должника передается во владение иному лицу на возмездной основе по заниженной арендной ставке, в сравнении с рыночной, либо вовсе безвозмездно. Получателем имущества может выступать аффилированное лицо либо «фирма-прокладка», которая сразу же после получения такого имущества начинает извлекать из него доход на рыночных условиях. Таким образом, получается ситуация, когда лицо, преследуя цель недопущения включения доходов от передачи имущества во владение в состав конкурсной массы и последующего их распределения между добросовестными конкурсными кредиторами, разрабатывает и реализует преступную схему, которая причиняет ущерб, как самому должнику, так и его кредиторам.

Говоря об отчуждении имущества, как деяния, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 195 УК РФ. Следует отметить, что имущественная сфера должника не претерпевает каких-либо негативных изменений, когда указанные действия влекут получение равноценного имущественного исполнения и соответственно, такие действия не могут признаваться уголовно-наказуемыми. Однако, об обратном можно говорить, когда отчуждение произведено безвозмездно либо в обмен на

неравноценное встречное исполнение, либо по возмездной сделке, предусматривающей равноценное исполнение, но при фактическом отсутствии такового [2]. Иными словами, когда криминальное отчуждение имущества должника сопряжено с совершением сделок, условия которых, главным образом ценовые, заведомо невыгодны для него. Так приговором Советского районного суда г. Томска, в 2015 году, за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, был осужден З., который, достоверно зная, что Определением Арбитражного суда Томской области от 02.09.2010 г. в отношении ООО «СУ-13» введена процедура банкротства в виде наблюдения и утвержден временный управляющий, без обязательного согласия последнего, произвел отчуждение имущества ООО, путем заключения и подписания трех договоров купли-продажи нежилых зданий и земельных участков, причинив ООО крупный ущерб на общую сумму 26 702 000 рублей. Ущерб в данном случае составила разница между фактической и рыночной стоимостью указанных объектов. Ленинск-Кузнецким городским судом Кемеровской области 18 июля 2011 года был вынесен обвинительный приговор, по ч. 1 ст. 195 УК РФ, по факту выведения из оборота ООО недвижимого имущества путем продажи его по заниженной стоимости на сумму более 7 млн. рублей, при этом, был причинен ущерб в виде неуплаты налогов на сумму более 2 млн. рублей.

Хотя Закон о банкротстве (гл. III.1) содержит описание составов, так называемых подозрительных сделок должника, что позволяет в судебном порядке признать недействительными сделки, совершенные должником на весьма невыгодных условиях, и без сомнений, служит важным ориентиром при квалификации тех или иных действий в качестве преступлений, однако, это не может влиять на квалификацию содеянного. Изложенное, позволяет признать позицию законодателя, установившего преступность и наказуемость рассматриваемых деяний вполне обоснованной.

Учитывая сущность рассматриваемого преступления, Ю.В. Морозова, полагает необоснованным выделение законодателем деяния в виде уничтожения имущества, поскольку, тогда, должник исключает его дальнейшее использование для себя [3]. Действительно, действия, направленные на уничтожение имущества, бухгалтерских или иных учетных документов предоставляют собой такое воздействие на них, в результате которого они становятся полностью непригодными для использования по целевому назначению, не подлежат восстановлению и, как правильно замечает Ю.В. Морозова, исключают возможность их дальнейшего использования для виновного. Однако, уголовный закон не связывает наступление ответственности по ч. 1 ст. 195 УК РФ, с возможностью виновного продолжать пользоваться таким имуществом, а указывает на уменьшение имущества должника, повлекшее невозможность удовлетворить требования кредиторов в полном объеме, что непосредственно происходит в результате уничтожения имущества. Более того, разрабатывая различные преступные схемы, вероятно ситуация, когда с целью вывести имущество из состава конкурсной массы, лицо пытается признать факт гибели имущества, при реальном отсутствии данного факта. Таким образом, криминализация данного деяния, также представляется вполне объяснимой.

Библиографический список:

1. Улезько А.Ю., Улезько Г.С., Улезько С.И. Уголовная ответственность арбитражного управляющего при неправомерных действиях при банкротстве: постановка проблемы // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 5. С.191-193.
2. Шматенко А.А. Деяние как элемент объективной стороны неправомерных действий при банкротстве (ч. 1 ст. 195 УК РФ). // Юридическая наука. 2013. № 3. - С. 88.
3. Морозова Ю.В. Неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротство по уголовному законодательству Российской Федерации: Автореф. дисс.канд. юрид. наук // Москва. 2010. - С. 51.

Злобин Иван Юрьевич
Zlobin Ivan Yurievich

студент 3 курса, очной формы обучения по направлению подготовки 40.03.01
Юриспруденция, уровень бакалавриат
Волго-Вятский институт (филиал) университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Козвонин Денис Валерьевич
Kozvonin Denis Valerievich

студент 3 курса, очной формы обучения по направлению подготовки 40.03.01
Юриспруденция, уровень бакалавриат
Волго-Вятский институт (филиал) университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

УДК 347.23

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ НА ОБЪЕКТЫ,
СОЗДАНЫЕ НЕЙРОСЕТЯМИ**

**DETERMINATION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS TO OBJECTS CREATED
BY NEURAL NETWORKS**

Аннотация За последний год произошел значительный скачок в области развития искусственного интеллекта, что вновь сделало актуальными вопросы, связанные с использованием нейросетей. В данной статье будут наиболее подробно рассмотрены проблемы, возникающие с определением интеллектуальных прав собственности на объекты, созданные нейросетями.

Abstract Over the past year, there has been a significant leap in the development of artificial intelligence, which has once again made the issues related to the use of neural networks relevant. In this article, the problems arising from the definition of intellectual property rights to objects created by neural networks will be considered in more detail.

Ключевые слова нейросети, авторство, интеллектуальные права, право собственности
Keywords neural networks, authorship, intellectual property rights, ownership

Основной вопрос, касающийся определения прав интеллектуальной собственности на объекты, созданные с помощью нейросети, заключается в определении того кому в конечном итоге будет принадлежать право собственности на созданное произведение. Каждый из ученых юристов, занимающихся данной проблематикой предлагает свой путь решения данного вопроса. Так одним из основных подходов к решению данной проблемы, является признание автором интеллектуальной деятельности, разработчика нейросети. Такого подхода придерживаются В.Н. Синельникова и О.В. Ревинский, они утверждают, что «если разработана программа, способная создавать новые программы, то права на эти новые программы будут у разработчика первоначальной программы либо у того, кому он передал свое исключительное право на нее», дополняя это тем, что права на результаты интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта должны принадлежать лицу, которое его создало. Е.В. Куликова высказывает схожую точку зрения, обосновывая ее тем, что машина не может являться субъектом авторского права, поскольку она «лишена какого-либо творческого начала» [1. ст. 22]. Схожего мнения придерживаются Р.Р. Сафина и К.А. Маскина, пользователь не может быть признан автором произведения, созданного искусственным интеллектом, лишь потому, что вопрос о его личном вкладе является сомнительным. Творческий процесс всегда сопряжен с выбором, а в случае с искусственным интеллектом выбор осуществляется нейросетью, предоставившей результат на основе и в процессе ее обучения [2. ст. 139-140]. Однако у такого подхода есть крайне существенный недостаток: согласно ст. 1228 ГК РФ автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. Не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности граждане, не внесшие личного творческого вклада в создание такого результата, в том числе оказавшие его автору только техническое, консультационное, организационное или материальное содействие, или помощь либо только способствовавшие оформлению прав на такой результат или его использованию, а также граждане, осуществлявшие контроль за выполнением соответствующих работ. То есть, если

интеллектуальные права разработчика нейросети никем не оспариваются, то права на продукт, полученный с помощью, созданной им нейросети являются предметом спора. Именно, благодаря, норме, закрепленной в ст. 1228 ГК РФ автором и правообладателем картины, написанной художником, является художник, а не производитель кисточек, бумаги, карандашей, которыми художник писал свою картину. По этой же причине авторство и право собственности на фотографию, принадлежит фотографу, а не производителю фотоаппарата. Так же в случае, когда человек пытается произвести продукт с помощью нейросети, например, задает нейросети запрос на создание картины, то сам разработчик нейросети не вносит личного творческого вклада, а ст. 1228 ГК РФ ставит это одним из обязательных условий для определения авторства. Таким образом, определение прав собственности за разработчиком нейросети противоречит ст. 1228 ГК РФ, поскольку автор нейросети не вносит личный творческий вклад в создание произведения с помощью нейросети, а лишь предоставляет инструмент с помощью которого человек, как художник с помощью кисти или фотограф с помощью фотоаппарата, может создать свое произведение. Что, касается, зарубежной практики, то недавно состоялся прецедент, по которому художница Крис Каштанова зарегистрировала патент на свой комикс в патентном бюро США, который был создан с помощью нейросети «Mjordormu» [6].

Другой подход, предлагаемый авторами для определения интеллектуальных прав, заключается в том, что результаты, создаваемые с помощью искусственного интеллекта, не имеют авторов. Одним из сторонников данного подхода выступает А. Гурко, по его мнению, творческие объекты, созданные искусственными нейросетями, не имеют авторов. Основой, предложенной ученым позиции, лежат мысли о том, что искусственный интеллект, во-первых, способен справляться с задачей создания произведений подобно человеку, но, во-вторых, не может признаваться автором результата своего творчества, так как правом авторства обладают исключительно люди. В данном случае позиция о праве авторства строится на том, что право, как социальная норма защищает интересы человека, но не машины [4. ст. 63]. Также, по мнению Р.Р. Сафина и К.А. Маскина, пользователь также не может быть правообладателем результатов интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта, поскольку функция, которую выполняет оператор, главным образом касается постановки задачи для искусственной нейросети, но в закладывании определенных алгоритмов он не играет никакой роли [4. ст. 64]. Данный подход также не является идеальным поскольку полученные с помощью нейросети объекты, на которые не определяется авторство выпадают из гражданско-правового оборота, и экономическая целесообразность создания нейросети становится нулевой, поскольку от продуктов такой деятельности невозможно получить прибыль. [1. ст. 23].

Другой подход в определении интеллектуальных прав собственности заключается в признании в качестве правообладателей результатов использования нейросети, самих разработчиков этой нейросети. Подобной точки зрения придерживается Э.П. Гаврилова, которая утверждает, что разработчики программы искусственного интеллекта должны быть наделены правом авторства на результаты его деятельности в том случае, если они соответствуют признакам, предъявляемым к объектам авторского права. При этом совсем не важно, мог ли разработчик предсказать итог деятельности искусственных нейронных сетей. Е.В. Куликова также отмечает, что искусственный интеллект сам по себе не имеет творческого начала, поэтому ни машина, ни лица, использующие ее или обладающие правом собственности на нее, не имеют отношения к процессу ее деятельности, в то время как именно разработчики-авторы программы своим творческим трудом позволили искусственному интеллекту создать уникальное произведение. По мнению Р.Р. Сафина и К.А. Маскина, пользователь также не может быть правообладателем результатов интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта, поскольку функция, которую выполняет оператор, главным образом касается постановки задачи для искусственной нейросети, но в закладывании определенных алгоритмов он не играет никакой роли. [4. ст. 64]. Данную точку зрения разделяют также и Н. Синельникова и О.В. Ревинский, они полагают, что разработка программы, способной создавать новые объекты авторского права, порождает право авторства на такие объекты у разработчика первоначальной программы хотя бы потому, что итогом работы искусственного интеллекта является результат интеллектуальной деятельности «человека-творца». [3. ст. 140] У этой модели решения проблемы интеллектуальных прав также есть свои критики, например, Харитонов Ю.С., Савина В.С. в своей статье «Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности» размышляют следующим образом: «в этой дискуссии одним из наиболее часто

выдвигаемых аргументов против признания изобретения, полученного с применением технологии искусственного интеллекта, является то, что для любой работы, генерируемой алгоритмом, существует физическое лицо, которое квалифицируется юристами как изобретатель. Однако следует учитывать, что, когда человеком формулируется задание для применения технологии искусственного интеллекта, разрешаемая проблема может быть, как очевидной и весьма понятной, так и требовать сама по себе формулирования и/или структурирования. Поэтому программист или разработчик алгоритмов искусственного интеллекта может считаться изобретателем, если он разработал систему искусственного интеллекта для решения конкретной проблемы или, когда он должен был умело выбирать учебные или входные данные для самообучающейся системы. Но программист, вероятно, не должен признаваться изобретателем, когда он или она просто внесли свой вклад в общие возможности системы искусственного интеллекта по решению проблем, не зная о конкретной проблеме, к которой искусственный интеллект применяется, или о ее конечном результате. В этом случае ослабевает связь между творчеством человека и результатом применения технологии искусственного интеллекта. Эта связь становится еще более слабой, когда несколько программистов участвуют в настройке и доработке самой системы искусственного интеллекта, внося свой вклад в программное обеспечение во времени и пространстве, участвуя в разработке единой системы. Таким образом, не представляется уместным предоставлять исключительные права на полученный с помощью технологии искусственного интеллекта результат, когда важность вывода системы искусственного интеллекта очевидна и востребована в обороте, а деятельность человека не является вкладом в полученный результат». [5. ст. 534-535].

Также некоторыми авторами высказывается идея о том, что если не сейчас, то в будущем появится возможность наделить авторскими правами искусственный интеллект, сделав его, таким образом, субъектом гражданско-правовых отношений. Так В.А. Лаптев пишет, что среднесрочной перспективе искусственный интеллект приобретет правосубъектность и будет выступать полноценным участником отношений, действующим на основе принципов автономии воли в пределах цели его создания – служения на благо человечества. В долгосрочной перспективе правосубъектность будет существовать у искусственного интеллекта уже в виртуальном (цифровом) пространстве, в отрыве от материального мира. Однако, данная точка зрения не пользуется популярностью, так как большинство авторов сходятся во мнении, что на данном этапе развития технологии, не предоставляется возможным наделить искусственный интеллект авторскими правами, поскольку искусственный интеллект будет не в состоянии реализовать, полученные им права и распорядится прибылью, полученной от использования этих прав.

После рассмотрения предложений отечественных ученых, стоит обратиться к зарубежной практике разрешения рассматриваемого вопроса. Так, к примеру, в Великобритании на объекты творчества, созданные компьютером, но с помощью человека, распространяется авторское право программиста, который написал компьютерный код, на основании которого компьютер создал произведение. Интересным выглядит подход Южной Кореи в вопросе регулирования интеллектуальных прав собственности, где с 2023 года начнет действовать закон, предполагающий наделением правосубъектностью юридического лица искусственный интеллект [3. ст. 136]. Однако, в большинстве стран юристы придерживаются идеи о том, что искусственный интеллект не может быть автором произведения, так в Соединенных Штатах Америки Бюро по авторским правам заявляло, что оно «зарегистрирует оригинальное авторское произведение при условии, что оно было создано человеком» [5. ст. 532]. Ишутин А.В., Косаримов С.В., Чикирка Е.В. в своей статье приводят пример правового регулирования Австралию и Канаду Австралии законом об авторском праве прямо установлено требование, что автором может быть так называемое «квалифицированное лицо». Следовательно, произведения, созданные нейронными сетями, явно не попадают в данную категорию и остаются вне правового регулирования. Примерно такая же картина существует в Канаде. Там законом об авторском праве установлено, что автором произведения считается гражданин Канады или лицо, проживающее в Канаде. Получается, что под правовое регулирование попадают случаи, в которых компьютер выступает исключительно вспомогательным средством при создании объекта творчества, но никак не случаи, когда произведение всецело создается нейросетью.

Таким образом, исходя из анализа приведенных позиций ученых и практики правового регулирования государств можно сделать вывод, что вопросы, связанные с использованием нейросетей остаются не решенными и слабо урегулированными, поэтому данная область права нуждается в дальнейшем регулировании и устранении имеющихся в ней пробелов.

Библиографический список:

1. Быстров Д. С., Яровой А. В. Защита прав на результаты интеллектуальной деятельности, создаваемые технологией искусственного интеллекта // Искусство правоведения. The art of law. 2022. №2 (2)
2. Ишутин А. В., Косаримов С. В., Чикирка Е. В. «Нейронное искусство» как объект авторского права // Социальные новации и социальные науки. 2021. №1 (3). – Москва: ИНИОН РАН, 2021. – № 1. – С. 133–144.
3. Коданева С.И. Трансформация интеллектуальной собственности под влиянием развития искусственного интеллекта. (Обзор) // Социальные новации и социальные науки. – Москва: ИНИОН РАН, 2021. – № 2. – С. 132–14
4. Тормозова В. А. К вопросу о возможности признания искусственного интеллекта автором результатов интеллектуальной деятельности. Научные записки молодых исследователей. 2022;10(6):60–66
5. Харитонова Ю.С., Савина В.С. технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. №49.
6. <https://arstechnica.com/information-technology/2022/09/artist-receives-first-known-us-copyright-registration-for-generative-ai-art/>

Бузуртанова Мадина Абукаровна
Buzurtanova Madina Abukarovna

Магистр Российского государственного социального университета (РГСУ), г. Москва
Юридический факультет

Бурмистров Игорь Алексеевич
Burmistrov Igor Alekseevich

к.ю.н, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Российского государственного
социального университета

УДК 343.132

УЧАСТИЕ АДВОКАТА В СОБИРАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

PARTICIPATION OF A LAWYER IN THE COLLECTION OF EVIDENCE

Аннотация. В данной статье рассмотрены особенности участия адвоката в процессе доказывания. Законодательство определяет способы сбора доказательств, такие как получение предметов, документов, опрос лиц, запрос справок, характеристик и других документов. Выбор данной темы для исследования обусловлен расширением полномочий адвоката. Порядок сбора доказательств адвокатом не регламентируется так же, как и следственные действия. Статья раскрывает полномочия адвоката по сбору доказательств в уголовном процессе.

Annotation. This article discusses the specifics of the lawyer's participation in the proof process. The legislation defines the methods of collecting evidence, such as obtaining items, documents, interviewing persons, requesting certificates, characteristics and other documents. The choice of this topic for research is due to the expansion of the lawyer's powers. The procedure for collecting evidence by a lawyer is not regulated in the same way as investigative actions. The article reveals the powers of a lawyer to collect evidence in a criminal trial.

Ключевые слова: адвокат, предварительное следствие, ходатайство, уголовное судопроизводство.

Keywords: lawyer, preliminary investigation, petition, criminal proceedings.

Наиболее актуальной проблемой для уголовного процесса России является вопрос об участии защитника в доказывании. В ч. 1 ст. 86 УПК РФ защитник не перечислен обязан среди субъектов, осуществляющих собирание доказательств, поскольку он в отличие от них не обладает властными полномочиями. Однако адвокат должен играть ключевую роль в собирании доказательств по уголовному делу. Он должен не только представлять интересы своего клиента в суде, но и активно участвовать в процессе сбора доказательств для защиты своего подзащитного.

Первым шагом адвоката является изучение всех имеющихся материалов по делу, анализ фактов и обстоятельств, которые могут быть использованы как в пользу, так и во вред подзащитному. После этого адвокат начинает активные действия по сбору доказательств, которые могут помочь в разрешении дела в пользу клиента.

Среди основных методов сбора доказательств адвокат может проводить свидетельские допросы, экспертизы, анализировать записи разговоров, видео- и фотоматериалы, представлять документы и другие материалы, которые могут быть использованы в качестве доказательств.

Один из главных принципов юридической практики – соблюдение норм закона и процессуальных правил при сборе доказательств. Адвокат должен обеспечить законность и надежность доказательств, чтобы они могли быть допущены в судебное разбирательство.

Таким образом, участие адвоката в собирании доказательств по уголовному делу играет важную роль в защите интересов клиента и обеспечении справедливого судебного процесса.

Адвокат имеет важное право собирать и представлять необходимые доказательства для оказания юридической помощи. Согласно части 3 статьи 86 УПК РФ, адвокат может собирать доказательства путем:

- 1) получения предметов, документов и других сведений;
- 2) проведения опросов с согласия лиц;

3) получения справок, характеристик и других документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций[1].

Существенно, что п.1 ч.3 ст.6 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре предусматривает право адвоката собирать «сведения», необходимые для оказания юридической помощи [2]. Такая формулировка точнее отражает смысл ст.74 УПК РФ, содержащей понятие «доказательства», поскольку, строго говоря, доказательствами данные сведения становятся только после их приобщения к материалам уголовного дела решением дознавателя, следователя или суда, совершения на их основании следственных действий и т.п.

Защитник обладает следующими правами по участию в доказывании:

1. Защитник вправе собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений (п. 1 ч. 3 ст. 86 УПК РФ). Предметы, документы и иные сведения, имеющие значение для дела, могут оказаться как у частных лиц, так и у организаций. Защитнику следует предложить лицу сообщить об обстоятельствах, при которых предмет или документ попал к нему, дать по возможности индивидуализирующее описание этого объекта, сообщить, какие манипуляции с ним производились, изложить свои соображения о том, какое отношение представленный объект имеет к преступлению. [3, 227] Все эти действия должны строго соотноситься с требованиями процессуального законодательства и соответствовать ему [4].

Реализуя предоставленное полномочие, предметы, документы и иные сведения защитник вправе «получить», а не истребовать (не изъять, не отобрать и т.п.). Таким образом, принуждение в ходе производства процессуального действия неприменимо.

Законодатель не предусмотрел порядок производства получения предметов, документов и иных сведений. Рекомендовано правоприменителю распространять на

порядок получения защитником доказательств общие требования процессуальной формы. При осуществлении защитником своих полномочий, в том числе направленных на собирание доказательств, должны соблюдаться принципы уголовного процесса.

Соответственно рекомендуется оформлять получение имеющих отношение к уголовному делу объектов письменным документом, по форме аналогичным протоколом выемки [5, 57-58].

2. Защитник вправе собирать доказательства путем опроса лиц с их согласия (п.2 ч.3 ст.86 УПК РФ). Это право используется в большинстве случаев в целях выявления потенциальных свидетелей, чьи показания могут содействовать защите, о допросе которых потом может быть заявлено ходатайство. Такой опрос лица позволяет убедиться, какие он намерен дать показания, не приведет ли его допрос к ухудшению положения подзащитного.

В результате опроса адвокатом с его согласия не формируется доказательство по уголовному делу, и прежде всего потому, что отсутствует законодательное закрепление порядка проведения и фиксации результатов опроса, а также гарантий соблюдения процессуальной формы получения этих сведений. Отличие допроса от опроса заключается уже в том, что допрос – это следственное действие, которое обеспечивается государственным принуждением, опрос таковым не является. Дача показаний на допросе в большинстве случаев - обязанность, при опросе - лишь право [3, 228].

Так же, как и в случае с получением сведений, опросу могут быть подвергнуты не только подозреваемые (потерпевшие и др.), но и любые иные лица, которые, во-первых, дали на то согласие и, во-вторых, (по мнению защитника), могут располагать сведениями, имеющими значение для уголовного дела.

Опрос этих «лиц» может быть произведён лишь с его согласия. Поэтому рекомендуется в документе, который будет составлен по итогам такого опроса, фиксировать факт согласия опрошенного на производство в отношении него данного действия. Рекомендуется указанный факт удостоверить отдельной подписью опрашиваемого лица [5, 60]. Получение сведений рекомендуется фиксировать также в письменном документе, который следует оформлять по аналогии с протоколом допроса. По аналогии с п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, сообщаемые опрашиваемым сведения не должны основываться на догадке, предположении, слухе. Опрашиваемый должен иметь возможность указать источник своей осведомлённости [5, 58].

3. Защитник имеет право собирать доказательства путем запроса справок, характеристик и других документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии. Адвокат может направлять запросы в различные организации для получения доказательственной информации. Соответствующие органы и организации обязаны

выдавать адвокату запрошенные документы или их копии в установленном законодательством порядке. Адвокаты могут запросить информацию о месте жительства, учебе, работе граждан, а также о месте нахождения, дате регистрации, деятельности, составе учредителей и участников юридических лиц, состоянии здоровья, нахождении на учете в психоневрологических диспансерах и другие справки, архивные материалы и т.д.

Адвокат может ходатайствовать о приобщении полученных по запросам документов к материалам уголовного дела. При этом он должен раскрыть источник их получения, объяснить их происхождение, а следователь (дознатель, суд), в свою очередь, проверить эту информацию, в частности путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

Остается неясным, можно ли проводить исследование (аналог экспертизы) по просьбе защитника. Закон не дает защитнику права назначать экспертизы или исследования. Если защитник все же проведет такое исследование, его результаты могут быть признаны недопустимыми, так как нарушены требования УПК РФ. Однако, если исследование (экспертиза) проводится вне уголовного процесса, защитник не назначает его, а просто запрашивает результаты в соответствии с законом. Полученные результаты могут быть использованы в уголовном процессе и признаны допустимыми доказательствами на любой стадии.

Библиографический список:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // СПС Консультант плюс
2. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 N 63-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант плюс
3. Колоколов Н.А. Адвокат в уголовном процессе: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». – М.: ЮНИТИ-ДАНа: Закон и право, 2010. – 375 с.
4. Вайпан В.А. Настольная книга адвоката: постатейный комментарий к Федеральному закону об адвокатской деятельности и адвокатуре// [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.Itres.m/viktor-alekseevich-v/nastolnaya-kniga-advokata-postateynnyu-kommentariy-k-f/>
5. Рыжаков А.П. Собрание (проверка) доказательств. Показания как средство доказывания: научно-практическое руководство. А.П. Рыжаков. М.: Издательство «Экзамен», 2007. 349 с.

Научное издание

Коллектив авторов

Сборник статей ХCV Международной научной конференции «Свобода и право»

ISBN 978-5-6040934-2-9